

Агентство Еврейских Новостей. Виктор Горелов,
25 августа 2005 года, г. Биробиджан

Как Лазарь Каганович уничтожил первого предисполкома ЕАО

О трагической судьбе первого председателя исполкома депутатов трудящихся Еврейской автономной области Иосифа Либерберга напомнил жителям автономии собственный корреспондент газеты "Биробиджанер штерн" на Украине Харитон Берман. Сегодня в газете опубликовано его документальное исследование яркой биографии этого незаурядного человека, погибшего в декабре 1936 года в застенках ГУЛАГа.

На тот момент лидеру автономии, образованной в 1934 году, исполнилось всего 38 лет. Арестован он был 26 августа 1936 года по обвинению в "троцкизме". Под 58-ю, "расстрельную", статью лидера национальной области подвел некто иной как член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком путей сообщения Лазарь Каганович. По личному поручению Сталина нарком посетил автономную область в январе 1936 года и был крайне недоволен, как его встретили здесь и Либерберг, и первый секретарь обкома ВКП(б) Матвей Хавкин. Они посмели критиковать "центр" за то, что он не оказывает необходимой помощи становлению молодой еврейской области и многие прибывшие в нее евреи-переселенцы вскоре требуют отправить их обратно, в том числе и в ряд зарубежных государств.

Ярость "железнодорожного" наркома вызвал показанный ему спектакль еврейского театра, носящего к тому же имя Кагановича, "Голд Требер" ("Искатели золота"). "Это издевательство над социализмом! Так зачем евреи приезжают в область? Искать счастье или золото?" – вопрошал Лазарь Моисеевич. "Искать они приехали и первое, и второе", – резко ответил Либерберг...

Уж в чем, а в театральном искусстве председатель облисполкома разбирался профессионально. В Еврейскую область профессор Иосиф Либерберг был направлен из Киевского института пролетарской культуры. Дерзость и непокорность не могла быть прощена лидеру молодой автономной области. Вскоре после ареста, а это произошло в Москве, куда Либерберг был вызван якобы на совещание, газета "Биробиджанер штерн" писала: "Будучи председателем облисполкома, он окружил себя классово-враждебными элементами, пытаясь выставить себя единственным строителем еврейской национальной культуры, окружил себя подлыми троцкистами и зиновьевцами... создавал групповщину". Судьба отмерила ему после роковой встречи с наркомом всего неполных семь месяцев. Иосиф Израйлевич Либерберг открыл трагический список репрессий против руководителей высокого ранга. И начались они не в Москве, а в маленьком заштатном Биробиджане.

Портретом И.И. Либерберга в здании правительства ЕАО открывается галерея руководителей законодательной власти автономии.

Семья Либерберг

Иосиф Бренер, Биробиджан

Портрет Иосифа Израилевича Либерберга, первого председателя облисполкома Еврейской автономной области, открывает галерею портретов руководителей, возглавлявших её в разные годы, на третьем этаже правительственного здания. Портрет был выполнен по единственной тогда имевшейся фотографии И.И. Либерберга – в кожанке и кепке, которая мелькала в нескольких изданиях и не отличалась оригинальностью. Его имя и деятельность на этом посту до последних лет были практически неизвестны жителям нашей области.

Фотография И.И. Либерберга в кожаной фуражке и пальто вошла в так называемый Харьковский фотоальбом, подаренный Биробиджану, и была, по сути, единственной, на которой запечатлен первый председатель облисполкома ЕАО

К великому сожалению и стыду, имя Иосифа Либерберга даже не вошло в первый Энциклопедический словарь, выпущенный в области в 1999 году. Но и в Российской Еврейской Энциклопедии то, что о нем написано, в том числе о периоде жизни, связанной с Биробиджаном, и трагическом конце, - не соответствует

реальным событиям, произошедшим с ним и его семьей. Слишком рано, на самом взлете грандиозных планов и мечтаний, оборвалась жизнь этого незаурядного человека. Слишком мало из того, что было задумано, он успел реализовать за неполные два года жизни на биробиджанской земле и деятельности на посту первого председателя исполкома ЕАО.

Несколько десятилетий спустя о жизни Иосифа Либерберга написала в своих воспоминаниях уже в Израиле Э. Розенталь-Шнайдерман, которая была близким другом семьи. Её воспоминания, изданные за границей на идише, не дошли до биробиджанского читателя, не нашли они интереса и в России, скорее, из-за того, что носителей идиша с каждым годом у нас становилось все меньше и меньше. Возможно, поэтому одна из ценных книг о нашем прошлом, рассказывающая о первых годах строительства области, о людях, стоявших во главе процесса созидания первого еврейского государства, так и осталась для нас закрытой книгой.

До девяностых годов прошлого столетия из нашей области не вышло ни одного материала об этом незаурядном и одержимом идеей человеке, посвятившем всего себя созданию еврейского государства на берегах Биры и Биджана. За последние два десятилетия лишь небольшую информацию, посвященную И. Либербергу, можно найти в книгах Д. Вайсермана «Как это было» и «Биробиджан – мечты и трагедия», статьях исследователей из Украины – Е. Меламеда и Х. Бермана, где указаны отрывочные сведения, которые, к тому же, требуют уточнений. В 2002 году попытался вернуть это имя из забвения Б.Котлерман, бывший биробиджанский журналист, а ныне ученый из Бар-Иланского университета. Его повесть «Дни Иосифа» была опубликована в газете «Община», издаваемой Биробиджанской еврейской религиозной общиной «Фрейд». Более полный анализ работы И. Либерберга на посту заведующего кафедры еврейской культуры Академии наук Украины и директора института Еврейской пролетарской культуры дал киевский ученый А. Заремба в монографии «Биробиджанский проект: идентичности в этнополитических контекстах XX-XXI ст.». Как оказалось, Иосиф Либерберг отдал Биробиджану почти девять лет своей яркой и короткой жизни, так и не увидев результаты своего труда. В числе первых из нашей области он был репрессирован и расстрелян, а его жена Надежда, отсидевшая восемь лет в лагерях, и дочь Тамара несли на себе проклятье Сталина - печать ЧСИР (член семьи изменника Родины). И только время остановило страшное колесо кровавой истории, о которой даже сегодня власть не любит говорить. Из памяти людской не вычеркнуть беспредел НКВД, узурпацию власти в руках одной партии, одного человека, приведшие к этим трагедиям, и любой, кто пойдет по этому пути, должен помнить о неотвратимости суда истории.

В книге Екклезиаста, сына царя Давидова, царя в Иерусалиме, есть заповедь: «Не скоро совершается суд над худыми делами: от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло» (глава 8.11). Пусть не скоро, но свершится суд, и забывать об этом нельзя!

Этот рассказ о семье Либерберга - первая попытка соединить недавно открытую информацию из материалов уголовного дела № 123, а также переводы из мемуаров его бывших коллег и, конечно, самое ценное - воспоминания его внучки Ирины Новицкой, родных и близких, которым пришлось заново пережить тяжелые трагические события, впервые узнав о многих не известных страницах трагической жизни дорогого им человека.

В семье приказчика Израиля Либерберга и мастерицы-корсетницы Розы из небольшого уездного городка Старокопачинского Волынской губернии 27 октября 1899 года (по новому стилю) родился мальчик, которого назвали Иосифом. Одному из четырех детей Израиля, появившемуся под созвездием Скорпиона, судьба определила, как и предначертано знаком зодиака, не простой жизненный путь – яркий и неординарный, полный жизненного огня и драматизма, роль лидера, сродни Моисею, зовущего народ за собой. Ему предстояло пройти долгий и трудный путь лишений и невзгод длиной в тысячи километров, чтобы привести евреев к новой обетованной земле. Через несколько лет после рождения Иосифа семья Либерберга переезжает в г. Винницу. Там, в 1913 году, он заканчивает городскую четырехклассную школу. Вскоре Израиль находит работу приказчика в Киеве в большом меховом магазине, и вся семья переезжает в предместье, на Слободку, на левом берегу Днепра. Поскольку они, как и многие другие евреи, не пользовались правом жительства в Киеве, то приезжали ежедневно на пароходе или мототрамвае в город. Позже, в своей автобиографии, Иосиф напишет: «Уже с первых лет жительства на Слободке я начал работать в качестве репетитора, давая частные уроки на дому. Таким образом, я зарабатывал рублей 15-20 в месяц, что дало мне возможность самому учиться и в конце концов поступить в шестой класс частной гимназии, которую я окончил в 1917 году.

После этого я поступил на историко-филологический факультет Киевского университета. Университет я не закончил, поскольку уже с первого года революции я был поглощен политической деятельностью. Еще на школьной скамье в последнем классе гимназии я начал читать нелегальную литературу на русском и еврейском языках. К сожалению, моя политическая деятельность в первые два года пошла по мелкобуржуазному руслу. Я вступил в Евр. Соц. Дем. Раб. Партию (Поалей-Цион). В конце 1918 г. я, в связи с все большей радикализацией своих взглядов, перешел в образовавшийся к тому времени Комфарбанд, а в июне 1919 г. вступил (вместе со всем Комфарбандом) в КП(б)У». В своих воспоминаниях о том времени его коллега и соратник Эстер Розенталь-Шнайдерман писала: «Когда партия большевиков во главе с Лениным провозгласила Советскую власть, близкие друзья левого поалей-циониста И. Либерберга праздновали его 18-летний день рождения. Он любил рассказывать о том, как его скромный день рождения превратился в

политический праздник. Именинник горячо клянется: он будет преданно бороться за свободу России, за Россию без эксплуатации человека человеком, за Россию, где все народы и нации будут жить как братья!» Иосифу только исполнилось восемнадцать лет, когда революция призвала его под свои знамена, оторвав от родителей, домашнего очага, подхватила и понесла по полям военных и политических сражений, в которых гражданская война разделила страну на два лагеря. В каждом городе, слободке трудно было разобраться – кто за красных, а кто перешел к белым, на чьей стороне воюют твои родные и друзья. Он принимает участие в восстании против гетмана, захватив совместно с десятью другими товарищами редакции кадетских газет «Утро» и «Вечер». Не просто было разобраться в то время, с какой стороны дует этот переменчивый «политический ветер» революции.

По воспоминаниям родных Иосифа, на формирование и становление его взглядов на жизнь, политических пристрастий в те годы существенное влияние оказал Моше Рафес – один из крупных политических деятелей Бунда и Евсекции (1883-1942). Он был почти в два раза старше Либерберга. М. Рафес работал редактором и сотрудником ряда газет и журналов на идише, написал большое количество книг на идише и русском языке. Как один из руководителей Бунда, он входил в исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Бунд направил М. Рафеса на Украину возглавить местную организацию. По всей видимости, именно в этот период происходят первые политические шаги Либерберга – вступление в Бунд, участие в работе Киевской организации, которой руководит М. Рафес.

С началом революции в Германии в ноябре 1918 г. и гражданской войны на Украине М. Рафес приводит к расколу украинскую организацию, провозгласив 1 марта 1919 г. создание Комбунда, который затем преобразуется в Комфарбанд, куда следом вступает и Иосиф Либерберг, принимая активное участие в его работе, публикуя уже свои политические статьи на идише, русском и украинском языках.

В том же году Комфарбанд, при активном участии М. Рафеса, входит в компартию Украины. Под влиянием М. Рафеса Иосиф Либерберг вступает в ряды КП(б)У. Он добровольно идет в Красную Армию рядовым красноармейцем и принимает участие в борьбе с петлюровскими частями. Вскоре его направляют в распоряжение Главкома Комфарбанда для работы в Еврейском военном секретариате (Еввоенсеке). Либерберг объезжает местечки Подолии для вербовки еврейской революционной молодежи в Красную Армию, участвует в подпольной работе в Полтавской губернии, занимается партийной работой в Бердичеве.

М. Рафес привлекает Либерберга к участию в работе различных конференций, что позволило Иосифу ближе познакомиться и войти в круг лиц, занимавшихся активной политической деятельностью и работавших в еврейских организациях как в России, так и за её пределами. Либерберг участвует в работе Киевской конференции, а также Третьей Конференции Евсекции, состоявшейся в Москве 4 -11 июля 1920г., на которой он присутствовал в качестве делегата от Киевской Евсекции с правом решающего голоса и был, наверное, самым молодым её участником. Иосифу в то время было всего 21 год.

В этой конференции приняли участие 64 делегата с решающим голосом и 20 делегатов с совещательным голосом. Третья Конференция продолжалась 7 дней, в течение которых прозвучало более 130 выступлений, включая доклады. В ней приняли участие 10 представителей из различных партий и организаций, в том числе из Германии, Польши, Литвы и Белоруссии.

Среди участников этой конференции своей активностью выделялись: М. Рафес, А. Мережин, С. Диманштейн и др. Там же присутствовал М. Литваков. Впоследствии все эти деятели еврейских организаций окажут серьезную поддержку Либербергу в работе на посту председателя облисполкома ЕАО, но уже после его расстрела тот же М. Литваков опубликует о нем разгромную статью. Только недавно, когда удалось разыскать внучку Иосифа и Надежды - Ирину Новицкую, мы, наконец, узнали подлинную историю и трагедию их семьи. Ирина рассказала о неизвестных страницах жизни семьи Либерберг, которые позволяют нам понять внутренний мир этого человека и оценить, во имя чего он отдал все свои силы и знания, организаторский талант и саму жизнь. Первое подробное письмо Ирины, которое я ждал с волнением, оправдало мои надежды. С первых его строк я почувствовал, что именно так, с молоком матери, впитывались и воспитывались у детей первых переселенцев любовь к истории и культуре народа, закладывались его традиции.

Ирина пишет: «Это волшебное слово Биробиджан знаю от рождения. Это слово с самого детства ассоциировалось во мне с далекой и волшебной страной, которую строили мои дедушка и бабушка, и я чувствовала, что когда-нибудь должна туда приехать. Я восхищена тем, что кроме меня кто-то еще сохранил память о моем дедушке, думаю, Вы и сами можете себе это вообразить. Я выросла с сознанием того, что являюсь потомком необыкновенного человека, но была уверена, что не осталось никого, кроме меня, кто о нем сохранил память. Поэтому трудно описать, какое эмоциональное потрясение я перенесла, когда из ссылок в интернете я узнала, что о дедушке помнят и пишут!

Моя мама, Тамара Иосифовна, умерла 10 лет назад. Меня, в основном, воспитывала бабушка, Надежда Абрамовна, от которой я и узнала о дедушке. Она изредка рассказывала мне отдельные эпизоды из их жизни, описывала различные картинки их прошлого, и в конце рассказа, когда речь заходила об Иосифе, моя мама начинала рыдать, а бабушка успокаивала и вытирала ей слезы и себе влажные глаза. Её слезы были уже давно пролиты за долгие годы сталинских лагерей. Я крепко обнимала их и тоже плакала, тогда ещё не

понимая до конца, что происходит с ними, что заставляет их так переживать. Бабушка была удивительной по силе характера личностью, равной которой я в своей жизни не встречала. Мне было 12 лет, когда я её не стало.

Эти юные годы, проведенные с ней, оставили неизгладимый след в моей жизни. Рассказы бабушки о жизни и трагической судьбе её мужа, моего деда, которого я никогда не видела, но, казалось, хорошо знала и полюбила всем сердцем, стремилась быть похожим на него, стали для меня глубоко личным состоянием души. Это проявлялось во всем: и в работе, и в отношениях с людьми. Образ дедушки присутствовал рядом со мною постоянно, и именно осознание этого, возможно, и дает мне смелость всегда поступать самостоятельно, нестандартно. Я говорю об этом специально, потому, что думаю, что это и есть определяющий фактор в моей жизни».

Первое письмо Ирины, словно острая боль, пронзающее сердце, и, наконец, наступившая возможность излить накопившиеся за много лет эмоции, казалось, закрытой для всех темы, которой никто, даже из ближайших родственников и друзей не касался, взволновал её до глубины души. Она представить себе не могла, что кто-то может влезть в святая-святых – историю семьи, интересоваться и знать то, чего она не знает. Она считала, что жизнь её бабушки и дедушки, глубоко личная, только ей принадлежащая тайна, но оказалось, что судьба её предков – это часть истории еврейского народа, истории создания Еврейской автономной области, в которой фигура Иосифа Либерберга становится всё более известной, а его роль в становлении и развитии автономии более значимой. Наше общение, рассказы и размышления о трагической судьбе Иосифа Либерберга, его жены Надежды, пережившей лагерные драмы, её дочери, оставшейся на долгие годы сиротой при живой и любящей матери, возвратили Ирину в прошлое. Этот зов из дальнего детства, где рядом были дорогие ей люди, вернул её в тяжелые воспоминания, которые заставили заново пережить драматические минуты жизни. Она решила написать мне, а значит, всем биробиджанцам, свое послание.

«Мы пришли в этот мир благодаря нашим предкам. Мы несем в себе частицу каждого из них. Они жили для нас, и они живут теперь в нас...

Я надеюсь вспомнить обо всех моих родных и собрать, хотя бы виртуально, через много десятилетий нашу семью вместе. О семье по маминной линии я знаю немного. У моей прабабушки Фриды, вышедшей замуж за сахарозаводчика Абрама Гольдштейна, было две дочери – Надежда и Софья. Фрида покинула своего мужа, прожив с ним не более пяти лет, т.к. пожелала поехать учиться, захватив обеих своих крошек. Муж был категорически против обучения женщин, поэтому Фриде пришлось "бежать" из дому. Она выучилась на акушерку и всю жизнь посвятила этому великому делу – содействовать появлению на свет новой человеческой жизни. Фрида жила в кругу семьи своего брата, у которого было много своих детей, в основном мальчиков. Надя прекрасно училась в гимназии, но в свободное время отчаянно бедокурила, нисколько не отставая от сорванцов братьев. Особым шиком у них считалось залезть в чужой сад, нарвать яблок и угостить ими хозяина этого сада! В округе все соседи знали, что Ньюшин дядя, не разбираясь, оплачивал остекление выбитых окон, т.к. считал весьма вероятным, что сделали это его племянница или сыновья. Близкие звали Надю "Нюшей" с самого детства, и затем всю ее жизнь. В семье помнили, как Ньюшу в детстве украли цыгане. Когда девочка пропала, поднялся переполох. Кто-то подсказал дяде, что цыганский табор, стоявший неподалеку, быстро снялся с места и исчез. Дядя организовал настоящую погоню и, настигнув цыган, обнаружил среди них свою племянницу, весьма счастливую и радостную.

Когда девочку забрали, на перекрестке долго стояли и плакали обнявшись две женщины – Фрида и немолодая цыганка, не желавшая расставаться с девочкой, в которую буквально влюбилась. Она говорила, что никогда не слышала такого голоса и не видела, чтоб кто-то так танцевал! А потом она ещё долго рассказывала Фриде о том, какая судьба ждет эту необыкновенную девушку... Все, кто знал Ньюшу, попадали под очарование ее необыкновенной личности – веселая, задорная красавица – не по женски сильная и ловкая. Она была центром притяжения семьи и всех окружающих. У Ньюши было потрясающее "оперное" контральто и она постоянно распевала арии, занимаясь домашними делами.

Любовь своей жизни моя бабушка встретила почти случайно: она поехала погостить к своему отцу, а через город в этот момент проходили военные формирования. Так судьба столкнула моего дедушку, Иосифа Либерберга, с моей бабушкой Надеждой Абрамовной. Молодые люди сразу же обратили внимание друг на друга!

Отец Ньюши с первой же минуты не одобрил такого знакомства: Иосиф был юноша незаурядный, что и говорить, но он был выходцем из иного круга, а значит совсем не пара его чудо дочери! Но разве могло иметь значение мнение отца для Ньюши в подобном вопросе? Все решилось сразу и навсегда! Огромного роста, молодой, красивый и необыкновенно талантливый юноша был под стать моей бабушке своей неуемной энергией, азартностью и веселым нравом. Они сразу безумно увлеклись друг другом, вместе шли вперед и отступали, преодолевая огромные расстояния, деля на двоих все тяготы и все радости.

Именно тогда у Ньюши дал о себе знать врожденный порок сердца. Но все это обнаружилось совершенно случайно и было воспринято как бы шутя, играючи. О больном сердце узнали при почти невероятных обстоятельствах: Ньюша и Иосиф, поехав в недолгий отпуск на море, решили посостязаться в плаванье – оба

были прекрасные пловцы. И когда Иосиф стал выигрывать и обошел Ньюшу, она вдруг застонала, стала его звать на помощь, в общем - тонуть! А он смеялся, не верил, кричал ей: "Хочешь, чтоб я вернулся и чтоб ты выиграла? Нет, ты меня не проведешь!" и плыл дальше.

Когда до него дошло, что она не шутит, что она уже ушла под воду, начался переполох. Иосиф стремительно развернулся и вытащил Ньюшу из воды. Слава Б-гу, на берегу нашелся врач, который послушал пульс и сердце и накричал на них: как они смеют женщину с таким сердцем вообще в воду пускать! Вот так и поплавали они в первый и в последний раз.

*Иосиф Либерберг и его Надежда.
Фото из семейного архива Ирины Новицкой. Публикуется впервые*

Мою бабушку Иосиф обожал, считал её авторитетом во многих вопросах, баловал подарками. Но наряды и обновы не попадали в зону её внимания: она могла завести подруг в дом, открыть шкаф и раздарить им свои наряды, которые он с гордостью привозил ей в подарок из заграничных командировок. А вот в шахматы, шашки Ньюша могла играть запоем, и, конечно, общаться, петь, работать, жить она любила так страстно, как никто другой, кого я в своей жизни встречала! Иосиф и Ньюша поженились в 1920 году, а 3 мая 1921 года у них родилась дочь, которую назвали Тамар. Её сразу стали называть Тасей, так как, во-первых, у нескольких знакомых дочери тоже оказались Тамарами, а во-вторых, грассирующему Иосифу Тасей называть дочку было проще. Ньюша была учителем истории в школе и много времени уделяла своим ученикам. Иосиф был поглощен своей преподавательской и политической деятельностью еще больше. Ребенком занимались фребелички (дореволюционное название воспитательницы детей дошкольного возраста по методу немецкого педагога Фребеля - И.Б.), сестра Ньюши Соня и, иногда, бабушка. Так как в то время считалось, что детей вредно рано учить читать, никто не затруднял себя обучением Таси чтению. Но произошло чудо - моя мама в три года сама выучилась бегло читать и начала тайком от своих педагогов-родителей проглатывать книгу за книгой из папиной огромной библиотеки! Она была на этом однажды поймана и наказана, но не была "сломлена" - на всю жизнь у нее сформировалась стойкая страсть к чтению и стойкая ненависть к любым играм, вроде шахмат и шашек, в которые играли родители! А еще мама оказалась "вундеркиндом" - школьную программу проходила очень быстро и "перепрыгивала" через классы».

Послереволюционный период на Украине проходил весьма бурно. Либерберг принимал активное участие в политической работе и преподавательской деятельности. В своей автобиографии, изъятой при его аресте в Москве, он писал: «В 1923 году во время моей работы в Высш. Военно-политич. школе я имел кратковременные колебания троцкистского характера по вопросу о внутрипартийной демократии. Эти колебания показали, что тот мелкобуржуазный груз, который тяготеет надо мной в первые годы революции, не был мною сброшен и в первые годы моего пребывания в партии. После известного постановления ЦК ВКП(б)

о внутрипартийной демократии я понял всю антипартийность моих колебаний и безоговорочно перешел на большевистские позиции. С тех пор у меня рецидивов колебаний за все 13 лет дальнейшего пребывания в партии не было». Потом этот факт из автобиографии следователи предъявят ему в качестве обвинения.

После освобождения от деникинских банд южной Украины Иосифа Либерберга направляют в Высшую военно-политическую школу в Киеве, где он преподает историю революционного движения в Западной Европе. В 1924 году постановлением ЦК КП(б)У И. Либерберга переводят на работу в Киевский институт народного хозяйства. Будучи преподавателем, а затем профессором истории, он читает курсы лекций в этом и других вузах Киева на русском, украинском и еврейском языках. К нему смело можно было применить термин «красный профессор», как и ко многим другим, однозначно ставшим на сторону советской власти «красных директоров», «красных дипломатов». В 1926 году И. Либерберга утверждают заведующим кафедрой еврейской культуры Академии Наук Украины. Кафедра установила связь с еврейскими научными кругами в СССР, а также с Виленским еврейским научным институтом в Польше, с научными центрами Германии, Франции, Англии, Соединенных Штатов Америки, Канады, Аргентины и других стран.

На презентацию кафедры, которой тогда практически придали значение союзного уровня, прибыли представители научных и культурных организаций России, Украины и Белоруссии. Академик В.Н. Перетц, выступивший от имени Всесоюзной Академии Наук, заявил, что «вся советская научная общественность давно ждала исследователей еврейской истории, науки и литературы. Всесоюзная Академия Наук считает, что в лице кафедры эта область исследований получила прочную материалистическую и действенную основу». Ощувив эту поддержку, И. Либерберг отметил в своем докладе, что «предполагает поставить вопрос о создании всесоюзного объединения еврейских научно-исследовательских институтов».

Следует отметить, что при подведении итогов мероприятий, связанных с открытием кафедры, Либербергу было поставлено на вид за приглашения, направленные отдельным лицам и учреждениям, «враждебным» советской власти, в том числе известному еврейскому историку эмигранту Ш. Дубнову, центральному органу «Бунда» в Польше «Фолксцайтунг» и «Литерарише Блетер». Всё это ему ещё напомнят через десять лет, на допросах, а пока он принимал поздравления именитых ученых. Иосифу Либербергу исполнилось тогда 27 лет.

Летом 1927 года закончилась экспедиция профессора Б. Брука, организованная КОМЗЕТОМ в Биро-Биджанский район. В воспоминаниях Э. Розенталь-Шнайдерман отмечается, что в институте с огромным интересом следили за результатами научной экспедиции, которая провела исследование далекого от центра России, никому неизвестного Биро-Биджанского района на Дальнем Востоке. Отчеты и выводы этой экспедиции о том, что данный район более, чем другие, подходит для еврейской колонизации, были недостаточно ясными. Сотрудники кафедры хотели знать подробно, в деталях о природных богатствах региона. Оживленная переписка по этому поводу велась Иосифом Либербергом с профессором Бруком и академиком Вильямсом.

Весной 1928 года в Киев пришло известие, что правительство решило передать обследованный район для колонизации евреями и что там, в ближайшем будущем, появится еврейская автономная государственная единица.

В воспоминаниях Э. Розенталь-Шнайдерман можно встретить удивительные сравнения: «Мы были охвачены болезнью «двух Б» (ББ – Биробиджан). И все были заражены микробом ББ. ...когда мы услышали о Биробиджане, то нас всех охватила тихая радость: ничего себе, еврейское государство! И какое государство! Пролетарское еврейское государство! Социалистическое еврейское государство!! Осуществляются наши мечты, идеалы тех лет! ...Ну что ж, пусть будет так! В добрый час!

...Мы все тогда словно получили укол витамином «Б-2», обещанный Биробиджан дал нам свежий и неожиданный для нас толчок нашим старым чувствам и сблизил».

Она считает знаком хорошего предзнаменования то, что глава государства М. И. Калинин выступал с декларациями о будущем Еврейской автономии, и что это также было отражено в речах и статьях руководителей КОМЗЕТА и ОЗЕТА, и все чаще стал появляться лозунг - Биробиджан должен стать домом для трудящихся евреев, в том числе живущих за границей.

Позиция Калинина, на её взгляд, отражала точку зрения высшего руководства страны и самого Иосифа Сталина. По этому поводу не могло быть никакого сомнения.

В самых больших еврейских центрах капиталистических стран организуются общества для помощи еврейскому переселению в Биробиджан со своими собственными журналами. «У нас начала кружиться голова, - пишет Э. Розенталь-Шнайдерман, - ведь мы становимся своего рода центром всемирного еврейского движения за создание еврейской коммунистической родины!»

В капиталистических странах действовали пробиробиджанские общества. В США и Канаде - общество «ИКОР» и «Амбиджан» и их периодические издания. В Аргентине и Уругвае – «ПРОКОР» и журнал «Найвелт». В Бразилии - «Бразкор» и бюллетень под таким же названием. В Африке существовал «ОЗЕТ» со своим периодическим изданием. В Латвии несколько лет существовала организация «ОМЕК» с журналом «Найерд», которым руководил доктор Макс Шац-Анин и муж Эстер - Ниссон Розенталь (А. Бен-Дов). Во Франции и Бельгии - общества «ОЗЕТ», а их ежемесячный журнал назывался «Трибуна ОЗЕТ», даже в Швеции и Дании действовали пробиробиджанские общества. В Германии, до прихода нацистов к власти, также существовало пробиробиджанское общество со своей газетой.

Первые шаги по созданию еврейской страны на Дальнем Востоке происходят на фоне нарастающей волны репрессий на Западе России. Они приводят к упразднению национальных отделов и евсекций в парткомах, еврейская наука подвергается реорганизации. Несмотря на это, И. Либберберг, используя партийные рычаги, укрепляет свои позиции. Э. Розенталь-Шнайдерман вспоминает: «Институт оказывается в особо привилегированном положении. Когда я туда приехала как аспирантка, Институт получил от государства намного больший бюджет, чем некоторые научно-исследовательские украинские институты того же ранга и масштаба. Либбербергу удалось через партийные органы превратить кафедру в самый большой центр идишистских исследований в Советской России». Либберберг понимал, что в Биробиджане будет легче и намного проще организовать работу Института еврейской пролетарской культуры, чем вести её в том же Киеве или в Москве, и считал, что у еврейской области есть все возможности стать центром еврейской науки, культуры и искусства всей страны. В 1929 году И.И. Либберберг становится директором Института еврейской пролетарской культуры при Академии наук Украины. К тому времени, как он писал в автобиографии, им было «выпущено из печати несколько книг (на украинском и еврейском языках), из которых важнейшие «Очерки по социально-экономической истории Англии» и «Великая французская революция». За время научно-педагогической работы он дважды получал научные командировки за границу в 1925 и 1929 гг., оба раза по 4-5 месяцев.

К началу тридцатых годов главным направлением работы института стала разработка вопросов, связанных с процессами создания будущей Еврейской автономии на Дальнем Востоке. Когда в августе 1930 года было провозглашено создание еврейского национального района на Дальнем Востоке, а в сентябре был созван первый съезд советов еврейского района, Эстер Розенталь-Шнайдерман вспоминает, что в институте состоялось праздничное собрание с представителями еврейской и украинской науки, писателями и партийными руководителями. От имени собрания в Биробиджан была послана телеграмма с поздравлениями районному съезду. Тогда же было принято решение, что необходимо кого-то направить в Биробиджан, чтобы понять, что там происходит. Самые подходящие люди для этой поездки - Иосиф Либберберг и Борух Губерман, которые занимают высокие официальные посты и являются блестящими организаторами. Профессор Иосиф Либберберг – историк, ученый, оратор и организатор, руководитель Института еврейской культуры. (По воспоминаниям родных, Либберберг знал 12 языков: русский, украинский, польский, иврит, идиш, английский, немецкий, французский, греческий, латынь, арамейский и сефардский).

Борух Губерман прибыл в Советский Союз из Польши в начале 1920-х. У него были большие заслуги. Несколько лет он был разведчиком, работавшим на польской территории. Авторитет обоих руководителей был велик. В 1932-м году Либберберг и Губерман выехали в Биробиджан. Уже тогда, впервые побывав в Приамурье, Либберберг увидел важность и перспективу развития Биробиджана. С нетерпением институт ждал их возвращения. По воспоминаниям Эстер, никогда в большом зале Украинской Академии Наук не царил такое приподнятое настроение, когда они отчитывались о том, что видели и делали в Биробиджане. Они говорили о собраниях, которые проводили с руководителями района, о выступлениях на митингах, куда собиралось почти все население и на протяжении многих часов люди стояли под открытым небом, чтобы послушать дискуссии, которые велись с руководителями района. Они вернулись очарованные его просторами, с восторгом рассказывали о визите на Бирскую сельскохозяйственную испытательную станцию, где увидели, что на биробиджанской земле растут культуры, которые цветут только в жарком климате, и те, которые растут только на севере. Они говорили о водных ресурсах, лесных богатствах, которые обеспечат быстрое и дешевое строительство предприятий и домов для переселенцев.

Большое впечатление на них произвела прогулка с рыбаками по Амуру, который может обеспечить уловом весь Дальний Восток. Амур ждет, чтобы переселенцы наладили на нем судоходство и построили мощные гидроэлектростанции. Эстер пишет: «Народ сидит как зачарованный. Это прямо-таки тысяча и одна ночь! Когда они начинают описывать сокровища, которые скрыты в глубинах биробиджанских недр, мы представляем, как будут дымиться трубы металлургических заводов и сыпаться искры мартеновских печей в завтрашнем еврейском социалистическом государстве...». Но пока что решение этих задач проходит плохо, рассказывают посланцы с тревогой. В Биробиджане мало заботятся о прибывших переселенцах, которые живут в ужасных условиях. Питание очень плохое. Профессионалы не используются как следует. В руководстве района находятся люди, которые бюрократически относятся к прибывшим. Местный КОМЗЕТ и ОЗЕТ беспомощны, и переселенцы бегут обратно. Хорошо, если остается только половина. Колоссальные средства затрачены впустую. Либерберг и Губерман обращаются с письмами к партийному руководству на Дальнем Востоке и в Москве, где указывают, что переселенцы живут в недопустимых условиях, отбор проводится неправильно, агитация за переселение в Биробиджан ведется недостаточно серьезно и активно. Эта критика вызывает недовольство у биробиджанского руководства и у руководителей КОМЗЕТа и ОЗЕТа в Москве. После долгих колебаний М. Литваков, старый знакомый Либерберга, редактор центральной еврейской газеты «Эмес», все же согласился опубликовать статьи, в которых они пишут о том, что массовый отъезд переселенцев нельзя списать только за счет проливных дождей, которые залили всю область летом 1932 года. Виноват в этом и руководство района, которое плохо работает. Впечатление от двух статей было очень сильным.

В этой обстановке Иосиф Либерберг, как пишет в воспоминаниях Розенталь–Шнайдерман, созывает общее собрание всего института: «На повестке дня стоит всего один пункт: Биробиджан. Либерберг произносит пламенную речь: «Мы должны создать новые контингенты еврейских переселенцев!». Он так зажигает публику, что из зала слышны голоса: «Давайте все включимся в практическую работу! И уже сегодня!». Со всех сторон раздается: «Запишите меня!».

Институт прерывает научную работу на целый месяц. Более 60 ученых делятся на бригады, состоящие из двух человек. Один более молодой ученый, другой постарше и отправляются по голодным, наполовину вымершим местечкам Украины агитировать еврейскую бедноту переселиться в Биробиджан. И. Либерберг дает последний инструктаж. И уже все видят, как велики его знания о Биробиджане, как будто бы он там родился, в тайге. Своей верой и любовью к этой новой земле он заряжает энергией отъезжающих. Либерберг и Губерман обращаются с горячим призывом к еврейской студенческой молодежи, к учителям, писателям и ученым. И этот призыв находит соответствующий отклик, поддержку и понимание.

В Биробиджан едет дипломированная интеллигенция из Харькова, Одессы и Киева, молодые писатели и учителя. Бросили свои насиженные места и должности: Борух Губерман с женой, врачом Региной Розенблюм; Александр Заблудовский, Хаим Шиф с женой Шифрой – воспитательницей дошкольных учебных заведений; И. Элевич с женой – врачом; Израиль Рабинович с педагогом Дворкиной; Натан Корман, Беньямин Голдфайн, семейная пара Хайм и Ривка Гусовские – он экономист, она – библиотекарь; И. Квитный, Э. Розенталь-Шнайдерман и другие. До их отъезда в Биробиджан переехали Генах Казакевич с семьей, а немного позднее – Бузи Гольденберг. Их прибытие в Тихонькую будет иметь большое значение.

В соответствии с ориентировочными планами ВЦИКа Биробиджанский район должен был превратиться в автономную еврейскую область в конце 1933 года. Но уже прошел 1933 год, наступил новый, 1934 год. И только 7 мая 1934 года вышел декрет: «преобразовать Биробиджанский еврейский национальный район в Еврейскую автономную область в составе Дальневосточного края. Председатель Всесоюзного центрального исполнительного комитета Калинин. Секретарь – Енукидзе».

Тогда же, в 1934 году, по инициативе Иосифа Либерберга, к семи существовавшим в Институте секциям была добавлена восьмая - секция изучения Биробиджана, и это был шаг навстречу своей судьбе. Либерберг побуждал персонал Института последовать его примеру и переехать в Еврейскую автономную область, характеризуя это как высшую степень самореализации для любого еврейского работника культуры. Обратной дороги не было, тем более что перед его отъездом в Биробиджан обстановка в Киеве, Минске, Москве становилась все более напряженной. Он чувствовал, как с разных сторон сгущаются тучи.

В украинской провинции начал свирепствовать голод, в партиячках велись сталинские чистки, и немногие смогли выдержать эти схватки за жизнь. После 1932 года в Минске наблюдался упадок в работе ИЕПКА, а в

Киеве наметился подъем. Главной причиной этого стала усилившаяся партийная поддержка работы И.Либберберга на посту директора института. Материальная помощь пришла от Всеукраинской академии. Институт впервые получил разрешение на издание общенаучного ежеквартального журнала, а также лингвистического сборника «Афн шпрахфронт» и научно-популярного педагогического журнала «Ратнбилдунг». И.Либберберг стал редактором нового ежеквартального издания, названного «Висншафт ун революције», которое, начиная с середины 1934 года до середины 1936, выходило регулярно.

Известный историк А.А. Гринбаум отмечал: «Как ни парадоксально, биробиджанский импульс, возможно, помог киевскому Институту, который, по-видимому, стал считать себя своего рода научным резервом Еврейской автономной области до того момента, когда тамошняя культурная работа не «встанет на собственные ноги». Теперь мы наблюдаем в Киеве, в отличие от деятельности последних лет в Минске, неприкрытое стремление к научным результатам, к «монументальной работе» вместо маломасштабной и случайной. В ходе рекламной кампании в пользу еврейского Института Всеукраинской академии в конце 1934 и начале 1935 года его называли даже крупнейшим еврейским научным институтом в мире. Большие - невероятно большие - планы включали 40-томное академическое издание сочинений Шолом-Алейхема, историю литературы на идиш, словарь советской литературы на идиш, а также историю евреев и историю еврейского рабочего движения». На волне этого подъема в 1934 году Либберберг строил свою дальнейшую работу в ЕАО с прицелом на республику и переносом деятельности Киевского института в Биробиджан. Осенью того года И. Либберберг избирается членом-корреспондентом Украинской Академии наук. И. Либберберг стал на Украине ориентиром и маяком, так как почти одновременно с ним в Биробиджан приехали десятки уже известных и молодых ученых, писателей, учителей, принесших с собой профессиональный опыт, авторитет и веру в будущее автономии.

В октябре 1934 года область впервые самостоятельно принимает бюджет. Еврейская область стала свершившимся фактом! Профессор Иосиф Либберберг был назначен председателем организационного комитета Еврейской автономной области. В это же время завершается подготовка к заключительной стадии образования Еврейской автономной области - созданию административных органов власти. Либберберг выезжает в Биробиджан, где уже намечено проведение Первого областного съезда Советов. Его кандидатура из нескольких обсуждавшихся на разных уровнях лиц получила одобрение в Москве и в Хабаровске. 18 декабря состоялся Первый областной съезд советов, после которого на Пленуме И.И. Либберберг был избран председателем облисполкома.

Интересны воспоминания Шифры Лифшиц о первом выступлении Иосифа Либберберга в Биробиджане: «Мне выпало счастье слушать его первое выступление, которое проходило во время большого собрания учителей и студентов в здании педагогического техникума. Тема его выступления: Планы и перспективы развития области. Выступление было проиллюстрировано картой всех строительных объектов, которые начали строиться в Биробиджане. Он рассказал о том, как будет выглядеть Биробиджан в ближайшем будущем, раскритиковал первые планы, которые возникли с началом формирования области, и что само место столицы было выбрано плохо, потому что на этом месте не хватает площади для развития большого города с большим населением.

Либберберг произвел впечатление всем своим видом. Он был импозантный, высокий, красивый, хорошо сложенный мужчина. Своей речью он всех вдохновил, зажег, так что каждый из нас был готов преодолеть все трудности, которые были связаны со строительством. Мы не только были готовы помогать, но были счастливы, что находимся в области и являемся активными участниками в мероприятии большого масштаба».

И. Либберберг хорошо знает аппаратную работу, знаком с руководителями центральных органов власти, КОМЗЕТа и ОЗЕТа, поэтому, без особой раскочки, после его избрания Председателем Облисполкома начинается напряженная работа по хозяйственному и культурному строительству Еврейской автономной области.

В областном архиве ЕАО имеются многочисленные письма и обращения И.И. Либберберга к Центральным и республиканским органам власти России и Украины по экономическим, культурным вопросам, переселенческой работе, развитию образования и еврейскому языку. В эти первые месяцы работы закладываются основы научного подхода в управлении строительством области. И. Либберберг предпринимает ряд кардинальных шагов по развитию Еврейской автономии, которые мог предложить только он.

1. Практически сразу готовятся документы и проект Постановления Президиума ЦИК СССР «Об организации

научно-исследовательского института Еврейской пролетарской культуры» в Биробиджане. В проект Постановления в числе первоочередных мер он считает необходимым включить:
«...2. Предложить Наркомпросу РСФСР приступить в текущем году /с окончанием не позже октября 1936 года/ к строительству:

1. основного большого здания для Института и его лабораторий,
2. здания для академической библиотеки в 300000 томов и
3. жилого здания для научных работников на 30 квартир.
4. Правительству УССР выделить для Института Еврейской автономной области в течение 1936 года не менее 20 научных сотрудников и научно-вспомогательного персонала из состава Института Еврейской пролетарской культуры Украинской Академии Наук.
5. Книжным палатам РСФСР, БССР и УССР включить с 1 июня 1935 года Центральную Биробиджанскую Библиотеку в число учреждений, получающих бесплатно обязательный экземпляр печатной продукции.
6. Дальневосточному Крайисполкому и Облсполкому Еврейской Автономной Области взять строительство Института под свое непосредственное наблюдение и обеспечить открытие института в четвертом квартале 1936 г.»

Не дожидаясь решения по данному проекту, в апреле 1935 года И. Либерберг пишет письмо М. Калинину, в котором пытается убедить власти к годовщине образования области решить вопрос о переводе Киевского института в область. К решению этого вопроса подключается А. Хацкевич - Секретарь Совета Национальностей ЦИК СССР. Он запрашивает ВЦК НА (Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита), каким образом можно направить в область группу научных работников. И. Либерберг предлагает свой ответ на этот вопрос. В письме А. Хацкевичу он пишет: «В Киеве и Минске при Украинской и Белорусской Академиях Наук существуют институты Еврейской Пролетарской культуры. ...По нашему мнению, необходимо было бы решением центральных союзных инстанций обязать эти институты выделить для Еврейской Автономной Области группу работников филологов, историков и литературоведов.

...Кстати, в свое время мы обращались по этому вопросу к М.И. Калинину, но тогда мы ставили вопрос не о группе работников, а о переезде всего Института (Киевского). Тов. Калинин отнесся к нашему предложению очень сочувственно, но Украина, очевидно, не согласилась на перевод Института в Биробиджан. При таком положении вещей мы считаем необходимым ограничиться постановкой вопроса о группе работников». Часть из них вскоре действительно приехали в автономию.

Иосиф Либерберг, изучив положение дел в ЕАО, пришел к выводу о необходимости создания центра, который должен был бы взять на себя руководящую роль по координации важнейших текущих вопросов и перспективному развитию области. В отсутствие такого органа эта работа ранее велась администрацией Биробиджанского района, представительствами КОМЗЕТА и ОЗЕТА, различными ведомственными организациями, а также Далькрайсполкомом, где непосредственно решались финансовые и организационные вопросы.

9 апреля 1935 года, по решению Далькрайисполкома и в целях изучения производительных сил и культуры ЕАО, Президиум Облсполкома ЕАО постановил учредить при Облсполкоме Научную комиссию по изучению производительных сил и культуры Области. Председателем комиссии был назначен М.А. Бейнфест. На первом заседании комиссии присутствовал И. Либерберг.

Альфред Гринбаум, один из известных в мире науки исследователей еврейской истории, писал о событиях тех лет: «Что касается конкретных шагов, то в 1935 году Либерберг создал научную комиссию, которой надлежало стать исследовательским центром региона, а возможно - и центром еврейских исследований во всем Союзе».

Комиссии передали функции координации и формирования важнейших направлений экономической, социальной и культурной жизни области. Она становится самостоятельным органом, разрабатывающим стратегию и тактику в различных сферах строительства области. Принятая структура и образованные на комиссии секции: Сельско-хозяйственная; По изучению природных богатств; Историческая; Социально-Экономическая; Педагогическая; Языковедения; Этнографическая; Литература и критика; Марксизма-Ленинизма - говорят о том, что была поставлена задача взять под контроль важнейшие аспекты строительства ЕАО. Комиссия должна была заняться сбором материалов архивного, исторического, этнографического характера, а также связанных с изучением производительных сил и естественных богатств области. Предполагалось на базе Опытной Станции привлечь ученых и специалистов к подготовке стратегии

развития сельского хозяйства. В дальнейшем, после преобразований, Научная комиссия должна была стать Институтом Культуры Еврейской автономной области.

Личные знакомства И. Либерберга с учеными, писателями, поэтами сыграли позитивную роль в их последующем приезде в Биробиджан. Среди его друзей был Генах Казакевич – первый редактор областной газеты «Биробиджанер Штерн», вместе с которым в Киеве они были редакторами «Словаря политических терминов и иноязычных заимствований», писатели Д. Бергельсон, Б. Слуцкий, Ш. Клитеник и многие другие.

В 1935 году по его инициативе принимаются решения об употреблении идиш как официального языка области наравне с русским. Были основаны школы, в которых языком преподавания был идиш. Вывески на улицах, надписи на железнодорожных станциях, даже почтовый штемпель были на идиш и русском языке. Увеличился тираж газеты «Биробиджанер Штерн».

Чуть позже начинается подготовка к одному из важнейших проектов Научной комиссии - проведению Научной языковой конференции. Она должна была привлечь ведущих ученых СССР и стать исторической по своей значимости в развитии языка идиш. Х. Голомшток в своем докладе «О характере и повестке Научной языковой конференции» отмечал: «...Созыв языковой конференции вызвал огромный интерес в различных кругах деятелей культуры и среди широких масс трудящихся в целом... В прессе уже обсуждались многие проблемы, такие как: создание исторической грамматики, проблема компонентов языка идиш, ...вопрос об исследовании диалектов, собрании и изучении фольклора, вопросы создания учебников для начальной и средней школ, проблема создания различных словарей и терминологии и т.д.».

Для участия в конференции планировалось привлечь научные институты Киева, Минска, Ленинграда, Москвы и других городов и центров, где велось преподавание идиша и работали педагогические институты, а также представителей из театров, издательств, редакций газет и журналов, писательских организаций и персонально политических деятелей, педагогов, деятелей культуры и искусства, писателей. К великому сожалению, начавшиеся в 1937 году репрессии перечеркнули все усилия членов Научной комиссии, ученых, интеллигенции Биробиджана, которые больше года занимались подготовкой к конференции.

При поддержке И. Либерберга велось комплектование книжного фонда областной библиотеки из различных издательств Москвы, Украины, Литвы, Белоруссии. В первой исследовательской работе о нашей области, проведенной Я. Бабицким, отмечается, что «в мае 1933 года была создана Биробиджанская районная библиотека при поддержке Киевского института еврейской пролетарской культуры, которая стала известной, как центральная библиотека». Для организации и руководства библиотекой институт ещё раньше послал И. Элиовича, который был директором архива. Институт также направил в библиотеку книги и оборудование. Благодаря известности И. Либерберга, его настойчивости и упорству был собран богатейший книжный фонд еврейской литературы, подаренный Биробиджану из различных библиотек СССР и зарубежья.

Архивные документы, ранее не публиковавшиеся, раскрывают замыслы первого руководителя области, которые заключались в том, чтобы создать национальный колорит и материальную базу культуры, привлечь самых известных деятелей культуры и таким образом придать ей статус центра еврейской культуры страны. В Биробиджан переезжает известный еврейский писатель Д. Бергельсон, которого ставят в один ряд с М. Горьким, о чем сообщили все центральные союзные и еврейские газеты. Тогда же И. Либерберг подписывает постановление «О финансировании строительства дома Д. Бергельсона».

25 декабря 1935 года Облисполком принимает постановление «Об ознаменовании столетия со дня рождения Менделе Мойхер-Сфорима», согласно которому решено присвоить имя Менделе первой улице нового города на правой стороне Биры, идущей от Сопки по направлению к Бирофельду, назвав эту улицу «Проспектом им. Менделе». Также решено было присвоить имя Менделе Центральной еврейской библиотеке, установить стипендию имени Менделе Мойхер-Сфорима в размере 200 руб. в педагогическом техникуме, просить Крайисполком возбудить ходатайство перед Наркомпросом Украины о передаче области Одесского музея еврейской пролетарской культуры им. Менделе Мойхер-Сфорима.

Это уже потом, после постройки нового здания, областной библиотеке дадут имя Шолом-Алейхема, а проспект, названный в честь великого еврейского писателя, о котором никто не мог вспомнить в последующие годы, получит имя Карла Маркса.

Сомнений в том, что это была инициатива И. Либерберга назвать библиотеку именем Менделе, быть не

может, так как ещё в начале 30-х годов И. Либерберг в Киеве принимал активное участие в сборе наиболее ценных коллекций книжных собраний и музейных экспонатов для Всеукраинского музея еврейской культуры. После переезда в область он стал добиваться перевода в Биробиджан Киевского института и музея имени Менделе Мойхер-Сфорим в Одессе, киевских библиотечных фондов, прилагал определенные усилия по созданию аналогичного музея и библиотеки в Биробиджане. Вместе с тем, объяснений причины переименованию библиотеки, в архивах пока не обнаружено. Можно предположить, что проходившие в 1939 году юбилейные торжества, посвященные 80-летию со дня рождения Шолом-Алейхема, подвигли власти к такому решению. Но вполне возможно, что решения, принятые «врагом народа» И. Либербергом, подлежали ревизии, в связи с чем и было изменено название библиотеки.

Президиум Облсполкома ЕАО в декабре 1935 года принимает Постановление "О Государственном вокальном ансамбле Еврейской Автономной Области". Речь идет о Ленинградском еврейском ансамбле, который вместе с известным еврейским композитором М.А. Мильнером выразил согласие на переезд для постоянного жительства и работы в Биробиджан. В январе 1936 года намечалось приступить к строительству большого двухэтажного дома для сотрудников ансамбля и особняка для М.А. Мильнера.

В связи со смертью Г. Казакевича в декабре 1935 года Президиум Облсполкома принимает Постановление «Об увековечении памяти тов. Казакевича Г.Л.», в котором говорится о присвоении строящемуся в городе звуковому кино имени тов. Казакевича, а также предлагается переименовать Валдгеймскую улицу в Биробиджане в улицу Казакевича.

В том же году И. Либерберг пишет письмо Народному комиссару обороны К.Е. Ворошилову о необходимости организации на территории Еврейской автономной области в составе находящихся там воинских частей еврейского национального колхозного полка, что имело бы большое политическое значение как среди еврейских трудящихся масс Союза, так и за границей. Полк играл бы крупнейшую культурно-политическую роль в самой области с точки зрения укрепления политического влияния на население, особенно в связи с массовым переселением евреев трудящихся из-за границы, не знающих русского языка и нуждающихся во всесторонней политико-воспитательной обработке. Еврейский колхозный полк оказал бы большое влияние также на развитие социалистического сельского хозяйства и оборонной силы населения области, учитывая необходимость укрепления дела военной переподготовки трудящихся масс и с точки зрения повышения обороноспособности ДВК.

В мае 1935 года И. Либерберг выезжает в Москву для участия в переговорах о переселении евреев из-за границы и выделении товарного займа для строительства в ЕАО. Речь идет о проекте «Агро-Джойнта», директор которой д-р Розен горячо поддерживал Биробиджанский проект. «Агро-Джойнт» должен был организовать в Америке товарный заем на сумму 50 миллионов долларов для строительства ЕАО. «По словам Розена, – писал Либерберг в письме М. Хавкину, - проект «Агро-Джойнта» получил одобрение Рузвельта и его финсоветника Моргентау (Розен этот вопрос лично обсуждал у Рузвельта)».

Не вызывает сомнений, что д-р Розен (Джозеф (Иосиф) Розен, 1877-1949) встречался с президентом США Франклином Рузвельтом и министром финансов Генри Моргентау по вопросу выделения товарного займа Биробиджану. Эти предложения о товарном займе для строительства ЕАО были обсуждены в ЦК ВКП(б), и было решено создать комиссию в составе Калинина, Литвинова и Либерберга, поскольку формально он заключался бы от имени Еврейской автономии. Зарубежные организации в те годы уже оказывали материальную помощь в строительстве области, и более 1500 переселенцев приехали к нам из-за границы.

По моей просьбе губернатор ЕАО А.А. Винников обратился к Генеральному консулу США во Владивостоке С.Р. Курран с просьбой об оказании содействия в поиске документов, подтверждающих факт решения вопроса по выделению товарного кредита. Недавно из США были получены протоколы заседаний «Агро-Джойнта» и «Джойнта» за 16 и 25 января 1935 года соответственно, в которых мы находим подтверждение существования этих архивных документов. На заседаниях этих организаций Джозеф Розен и Феликс М. Варбург - первый председатель «Джойнта», известный финансист и филантроп германского происхождения, ведут речь не только о финансовой поддержке Биробиджанского проекта (5 млн. долларов – товарный кредит), но и о переселении иностранных еврейских переселенцев в Биро-Биджан, в том числе из Польши.

При непосредственном участии И. Либерберга в области разворачивается большое строительство промышленных предприятий, фабрик. Понимая, что без строительной базы не удастся осуществить задуманное, в конце 1935 года запускается три кирпичных завода. Разворачивается промышленное освоение

Бирского района (ныне Облученский район – И.Б.) в котором ускоряется строительство Лондоковского известкового завода, увеличивается добыча золота, мрамора, древесины. В 1936 году началось строительство курорта Кульдур. В Биробиджане ведется строительство кирпичных жилых домов, зданий и сооружений, открываются новые артели и предприятия кустарной промышленности.

В начале года И. Либерберг узнал о намерении американских художников подарить свои работы художественному музею Биробиджана, поблагодарил их и заверил, что «одно из больших зданий, строящихся в городе на Бире, будет отдано под художественный музей». Инициатором этой акции был американский ИКОР, с которым начали налаживаться деловые отношения. В конце года картины обещали передать области, к их приему надо было также подготовиться.

Развернутая по всем направлениям развития области работа способствовала принятию Постановления Президиума ЦИК СССР от 29 августа 1936 года «О советском хозяйственном и культурном строительстве ЕАО», в котором определялись меры по укреплению материально-технической базы и финансового положения предприятий области.

В августе 1936 года И. Либерберга вызывают в Москву с докладом на совещание. Последние телефонные переговоры не прибавили ему ясности в вопросе, с чем был связан этот вызов. Поездка в столицу в самый разгар сельскохозяйственных работ, строительства жилья, фабрик, заводов, подготовка к всесоюзной конференции по еврейскому языку и еще многое другое выбивали его из этого графика минимум на месяц.

Анализируя объем проделанной работы за последний год, а также задачи, стоящие перед областью в текущий период, Либерберг задумался над просьбой подготовить и привезти автобиографию. В ней просили отразить его участие в политической работе за последние годы. Кому и зачем понадобилась его автобиография? Ведь в Москве о нем всем и всё давно известно. Он это почувствовал еще в конце 1934 года на беседе в Кремле, перед назначением его председателем облисполкома. Двух лет ещё не прошло, как он работает в области, и за это время в его жизни никаких изменений не произошло. Под монотонный стук колес в размышлениях о будущем автономии быстро пролетели дни. 20 августа поезд прибыл в Москву. На вокзале Либерберга встретили и отвезли в гостиницу «Метрополь». Поздно вечером в номер постучали, он открыл дверь и в растерянности смотрел на входивших в комнату работников НКВД. Один из них, сотрудник оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР Трифонов, предъявил ордер № 7895 на производство ареста и обыска Либерберга И.И., проживавшего в гостинице «Метрополь» в комнате № 354.

В тот же день в комендатуре Административно-хозяйственного управления НКВД СССР, куда был доставлен Либерберг, по квитанциям от него было принято на хранение два фанерных чемодана, значок ВЦИК, 3 книги, 4 блокнота, одежная щетка, безопасная бритва, поясной ремень, прибор для бритья, 7 подворотничков, 4 галстука, портянки, пояс от пальто, а также деньги в сумме 2393 руб. 80 коп.

В ходе личного обыска Либерберга, который продолжался далеко за полночь (протокол датирован 21.08.1936 г.), были изъяты: партбилет нового образца № 0501520, членский билет ВЦИК № 269, значок ВЦИК, членский билет крайсполкома ДВК № 131, профсоюзный билет № 150751, паспорт Либерберга № 140368, разная служебная переписка, телеграммы, материалы к докладу, заявления, статьи на русском и еврейском языках, различные письма, адреса и собственноручно написанная им перед отъездом из Биробиджана автобиография, в которой он указывает год рождения - 1899, что расходится с известными другими документам, ранее опубликованными, где годом его рождения значится 1897. Это одна из загадок Либерберга. На вопрос о наличии у него оружия Либерберг заявил, что у него имеется револьвер «Браунинг», который находится по месту жительства в Биробиджане.

Через неделю после ареста И.И. Либерберга доставили из Москвы в Киев, где 29.08.1936 г. оперуполномоченный СПО (секретно-политического отдела) УГБ НКВД УССР Гречихин вынес постановление об избрании меры пресечения в отношении Либерберга - содержание под стражей в спецкорпусе Киевской тюрьмы. Только после переезда в Киев Иосиф начал догадываться о причинах своего ареста. Он был в курсе многих политических событий в стране, несмотря на то, что почти год не выезжал из Биробиджана.

После убийства Кирова на фоне продолжавшейся антитроцкистской компании НКВД развернул политические преследования против всех, кто ранее придерживался троцкистской платформы или даже взглядов. Сталин решил расправиться с Львом Троцким и всеми, кто хоть словом высказывался в его поддержку, в первую очередь - по политическим вопросам. Начавшийся в августе в Москве процесс над убийцами Кирова должен

был вывести на Центр, который занимался подготовкой террористических актов, в том числе подготовкой убийства Сталина, и получал прямые указания из-за границы от Троцкого. По этому делу проходили: Мрачковский, Евдокимов, Дрейцер, Рейнгольд, Бакаев, Пикель, Каменев, Зиновьев, Смирнов, Ольберг, Берман-Юрин, Гольцман, Н.Лурье, М.Лурье, Тер-Ваганян, Фриц Давид.

Газеты ежедневно сообщали об этих событиях, и не вызвало сомнения, какие решения будут вынесены по этому делу. По всей стране НКВД была поставлена задача: раскрыть террористические центры на местах. Даже там, где их не было, их «находили», выдумывая для этого и создавая троцкистское подполье, террористические группы, включая в их состав всех, кто даже в кулуарах высказывал недовольство жизнью, политикой партии.

Первый допрос Либерберга состоялся 2 сентября 1936 года. Иосиф признал, что в 1923 году во время троцкистской оппозиции выступал в военно-политической школе в Киеве с поддержкой троцкистской платформы, но в январе 1924 г. отошел от троцкистской оппозиции. Скрывать не было смысла, так как об этом он написал в автобиографии. В тот период времени он был связан с работавшими в ВПШ троцкистами Корытным, Карповым, Портновым и другими. Позднее по работе сталкивался с троцкистами Маренко и Голубенко, но никакой организационной троцкистской связи с ними не было. Несмотря на это, через три дня помощник уполномоченного СПО УГБ НКВД УССР старший лейтенант госбезопасности Грозный, рассмотрев имеющиеся материалы, нашел, что Либерберг является участником контрреволюционной троцкистско-террористической организации, в которой проводил активную контрреволюционную работу. На основании ст.ст. 126 и 127 УПК УССР постановил привлечь Либерберга И.И. в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по п. 8 ст. 54 и п. 11 ст. 54 УК УССР.

6 сентября «Биробиджанская звезда» впервые проинформировала жителей области о том, что в ходе работы по очистке от чуждых и вражеских элементов от контрреволюционеров-троцкистов, зиновьевцев, шпионов и жуликов разоблачены троцкисты Либерберг и Волобринский – заклятые враги и обманщики.

9 сентября 1936 года Президиум облисполкома ЕАО принял решение:

1. Снять Либерберга И.И. с должности председателя облисполкома, исключить его из состава членов пленума и президиума исполкома ЕАО.
2. Просить Далькрайисполком исключить Либерберга И.И. из состава членов пленума и президиума Далькрайисполкома.
3. Просить ВЦИК СССР исключить Либерберга И.И. из состава членов ВЦИК».

Газета «Биробиджанская звезда» от 23 сентября 1936 года писала: «Как заклятый враг, Либерберг снят с работы председателя облисполкома и выгнан из партии. Либерберг все время скрывал свою контрреволюционно-троцкистскую деятельность в 1923 году...». Вспомнили его работу и в Киевском институте еврейской пролетарской культуры, который был превращен «в гнездо контрреволюционеров-троцкистов». Как председатель облисполкома «он окружил себя классово-враждебными элементами, пытался выставить себя единственным строителем еврейской национальной культуры, окружил себя подлыми троцкистами и зиновьевцами...».

О событиях тех дней написано было немало, но даже официальные источники – газеты, журналы, публицистика тридцатых годов - были впоследствии недоступны. Пресса тех лет пестрела разоблачениями врагов народа – троцкистов, шпионов, контрреволюционеров, и за редким исключением можно было узнать, что же в действительности происходило в те месяцы и дни. Почти еженедельно в тюрьме проходят допросы Либерберга, в которых его обвиняют в троцкистской деятельности во время работы в Киеве. Ему предъявляют свидетельские показания ранее арестованных его бывших коллег по работе - Я. Розанова, С. Посвольского, М. Киллерога, И. Гуревича, Е. Перлина, которые причисляют Иосифа к троцкистской оппозиции. Признавая знакомство, он категорически отрицает организационную связь с ними как активными участниками троцкистско-террористической организаци и называет все эти показания ложными.

16 октября 1936 года оперуполномоченный Гречихин вынес постановление о приобщении к следственному делу на Либерберга материалов, поступивших в СПО УГБ НКВД УССР, подтверждавших его участие в контрреволюционной троцкистско-террористической деятельности. Там находились:

1. Информация парторганизации Академии Наук УССР № 6/с от 11.09.1936 г. и зав. отделом науки ЦК КП(б)У от 11.09.1936 г. о том, что:
- Либерберг скрыл от партии свою принадлежность к троцкизму в 1923 г.;

- являясь редактором библиографического сборника, проявил притупление бдительности и пропустил в сборник троцкистско-националистическую работу библиографа Квитного;
 - работая в Институте еврейской культуры в Киеве, он содействовал принятию на работу контрреволюционеров-троцкистов-националистов, имевших связь с границей;
 - на официальное открытие кафедры еврейской культуры при АН УССР пригласил враждебных советской власти и компартии лиц;
 - в члены-корреспонденты АН УССР Либерберга рекомендовали арестованные участники контрреволюционной троцкистской организации Киллерог и Семковский.
2. Информация Спецсектора АН УССР № 333 с телеграммой М. Киллерога, что свидетельствует о его связи с Либербергом.
3. Документы, обнаруженные при обыске у Либерберга:
- автобиография, в которой он написал, что состоял в еврейской социал-демократической рабочей партии (Поалей-Цион) и его троцкистских взглядах в 1923 году;
 - письмо Либерберга, свидетельствующее о его связях с арестованными участниками контрреволюционной организации Розановым, Посвольским и Лозовиком.

19 октября 1936 года в обком ВКП(б) ЕАО был отправлен партбилет Либерберга № 0501520. В сопроводительном письме, подписанном ВРИД начальника СПО УГБ НКВД УССР капитаном госбезопасности Рахлисом, было указано, что Либерберг арестован за троцкистскую контрреволюционную деятельность.

На первоначальных допросах в период со 2 сентября по 15 октября 1936 года И. Либерберг категорически отрицал свою причастность к деятельности контрреволюционной троцкистско-террористической организации. Даже когда ему предъявили показания ранее арестованных его знакомых, «уличающие» Либерберга в троцкизме, он продолжает всё отрицать.

К середине октября в СПО УГБ НКВД УССР поступили «компрометирующие» материалы, которые были предъявлены Либербергу как «доказательство» его виновности. Учитывая применявшиеся в те годы НКВД методы допросов с использованием «специальных средств принуждения», становится понятным, почему начиная с 19 октября 1936 года Либерберг начал давать «признательные» показания.

В протоколе допроса от 19.10.1936 г., который вел оперуполномоченный СПО старший лейтенант госбезопасности Грозный, Либерберг впервые заявил: «Показания, которые я давал до сих пор следствию – не верны. Я признаю себя виновным в принадлежности к контрреволюционной троцкистско-террористической организации и обещаю следствию в дальнейшем дать подробные показания, как о моей контрреволюционной деятельности, так и деятельности организации». Теперь на допросах Иосиф начинает оговаривать себя, указывая на свою роль и участие в работе троцкистской организации в связи с ранее приведенными показаниями коллег. В своих показаниях он называет: кем он был вовлечен в контрреволюционную троцкистско-террористическую организацию; чем он там занимался; какие поручения выполнял, в том числе по организации троцкистской группы в Академии наук; какие имел беседы с лицами, пользовавшимися его доверием; кого обработал и привлек к контрреволюционной деятельности; рассказывает о своей троцкистской деятельности и называет фамилии, которые, с подачи следователей, следовало считать троцкистами и националистами.

Тем временем в Биробиджане 4-5 ноября проходит Второй съезд Советов ЕАО, на котором принято решение: «Контрреволюционера – троцкиста Либерберга из состава облисполкома исключить». В эти же дни из республик, а также из-за рубежа в адрес съезда поступили поздравительные телеграммы, в том числе: из Минска, Киева, Москвы, от американского и канадского Икора из Нью-Йорка и Торонто. В них нет ни слова об аресте и преследовании снятого с должности председателя облисполкома Иосифа Либерберга.

Между тем допросы не прекращаются, всплывают всё новые и новые фамилии так называемых участников троцкистской организации. Проанализировав имеющиеся в деле протоколы допросов, приходишь к выводу, что весь ход этого процесса был нужен, чтобы доказать существование троцкистского центра в Киеве, в котором одна из главных ролей отводилась Институту Еврейской Пролетарской Культуры, руководителем которого был в недалеком прошлом И.И. Либерберг. Арестовав большинство его коллег по работе, следователи отвели Либербергу роль одного из организаторов этого центра, приписав ему все мыслимые и немыслимые рычаги управления деятельностью этой троцкистской организацией, нити которой вели в Еврейскую автономную область.

Вполне возможно, что следователи смогли убедить Иосифа Либерберга дать признательные показания на его коллег, пообещав взамен вынесение приговора, не связанного со смертной казнью. Другого выхода из этого положения не было, так как решения по данному делу, в соответствии с Постановлением ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» от 1 декабря 1934 года, рассматривались в ускоренном порядке. Это означало, что обвинительное заключение вручалось обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде, где оно слушалось без участия сторон; кассационное обжалование приговоров, как и подача ходатайств о помиловании, не допускалось; приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно по его вынесению.

После 17 ноября 1936 года в уголовном деле нет протоколов допросов Либерберга, хотя еще продолжают допросы его бывших сподвижников.

Осенью 1936 года жена Либерберга Надежда, взяв ребенка и личные вещи, тайно выехала из Биробиджана в Киев. Как написала в мемуарах Э. Розенталь-Шнайдерман, «его Ньюше не нужно было далеко ходить, чтобы увидеться с ним на двух свиданиях, которые им были разрешены (тогда еще был возможен такой либерализм), потому что тюрьма была в нескольких десятках шагов от ее квартиры...». Тюрьма оказалась на той же улице, где жили родители Иосифа, где была его квартира, его институт, где жили его близкие друзья и недруги.

Иосиф не верил в фатальный исход своей судьбы, так как просил жену в те две встречи в тюрьме, которые ей разрешили, принести ему учебник испанского языка – хотел ещё выучить испанский язык. Он недоумевал по поводу предъявленных обвинений, в том числе в том, что он ещё и японский шпион. «Ладно, если бы пытались доказать, что немецкий шпион – я два раза был в командировке в Германии по 4-5 месяцев, а так – что за глупость, в это никто не поверит и на суде все станет ясно и понятно», – говорил он своей жене при встрече в тюрьме.

Да и с троцкистским центром он также не был связан, так как после 1934 года в Москве был всего один раз. Он верил, что справедливость на суде восторжествует. Но чистка в партии и обществе, развернутая Сталиным по всей стране, касалась любого человека, какую бы должность он не занимал. Национальность, возраст, пол, состояние здоровья и даже полное раскаяние не имели никакого значения, приговор – расстрел, был предрешен.

Из протоколов допросов его коллег, арестованных ранее, можно увидеть, какую позицию занимал Либерберг по различным вопросам общественной жизни страны. Понятно, что эти показания тоже могли быть выбиты или были даны под принуждением, но они представляют определенный интерес, так как в них есть его точка зрения, его оценка политической ситуации в стране в те годы. Так, в протоколе допроса Г.Н. Лозовика, профессора истории Киевского госуниверситета, отмечается, что Либерберг, вернувшись из Германии в 1929 или 1930 гг., говорил: «... у нас в партии установилось фактическое единовластие. Демократия совсем изжита. Как хорошо в этом отношении в Германии! Там настоящая свобода слова и мысли. Не боятся говорить и работать. А здесь дрожишь за себя. Ничего, Григорий Натанович, рано или поздно режим внутривластной демократии и у нас восторжествует, когда мы сбросим это единовластие...». Он указывал, что руководство не учитывает, насколько губительна такая система, в особенности для научных работников. На мой вопрос, чем вызвана такая система, Либерберг сказал: «Отсутствие демократии в стране принуждает само руководство к вечной настороженности и боязни за свои посты. Руководство партии пребывает в постоянном напряжении и стремится держать в таком же духе всю партию, чтобы о другом не думали». Отсутствие демократии в стране Либерберг характеризовал как бедственное состояние. Его слова: «Еще несколько лет, сознание масс вырастет, и они через голову руководства начнут энергично добиваться демократических свобод. Нет сомнения, что они этого добьются».

7 марта 1937 года помощником начальника 3 отделения 4 отдела УГБ НКВД УССР лейтенантом госбезопасности Грозным было подписано обвинительное заключение по делу № 123 по обвинению Либерберга И.И. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54-8, 54-11 УК УССР, и утверждено начальником 4 отдела ГУГБ НКВД СССР комиссаром госбезопасности 3 ранга Курским и Прокурором СССР А. Вышинским.

Учитывая, что утверждение обвинительного заключения Прокурором СССР А. Вышинским могло произойти только в Москве, следует предположить, что незадолго до этого Либерберг был доставлен из Киева в столицу.

8 марта 1937 года состоялось подготовительное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР под

председательством армвоенюриста В.В. Ульриха и с участием членов – Н.М. Рычкова, И.М. Зарянова, при секретаре А.А. Батнере. В деле имеется расписка подсудимого Либерберга И.И. в том, что им в этот же день в Москве получена копия обвинительного заключения о предании его суду Военной коллегии Верховного суда СССР. Участь его была предreshена, до расстрела оставались одни сутки, счет пошёл на часы.

9 марта 1937 года состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР в том же составе. Заседание длилось всего 10 минут. Согласно приговору, «Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Либерберга Иосифа Израилевича к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании Постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению». Вечером, 9 марта 1937 года, Иосифа Либерберга расстреляли.

Для того, чтобы политически уничтожить уже расстрелянного Либерберга и снятого с должности и изгнанного из партии Хавкина (бывший первый секретарь обкома ВКП(б), арестован в январе 1938 года), в журнале «Трибуна» - органе Центрального правления «ОЗЕТ» была опубликована разгромная статья М. Литвакова под названием «Что было разоблачено в Еврейской автономной области», который написал её из-за страха за свою собственную судьбу, так как был тесно связан с Либербергом. Но это не помогло М. Литвакову, он был также арестован и умер в тюрьме.

Вслед за И.Либербергом были арестованы и подверглись репрессиям тысячи жителей области, в том числе руководители органов власти, предприятий, простые труженики. Наша область уже не восстановится после репрессий в последующие годы. Её развитие было приостановлено, переселенческая работа перешла под контроль НКВД. Но ещё почти десять лет в документах областных органов власти можно найти отголоски вопросов и проблем, поднятых И. Либербергом в первые годы образования Еврейской автономии.

Как и тысячи других переселенцев, среди которых были ученые, писатели, учителя, инженеры, строители, приехавшие из различных городов СССР и зарубежных стран создавать область, Иосиф Либерберг верил в реальность Биробиджанского проекта, и его первые шаги это подтверждают. Сталинские репрессии поставили крест на самой идее этого проекта, превратив её в дальнейшем лишь в инструмент политики, которым партия манипулировала в последующие годы.

Через девятнадцать лет Главная военная прокуратура, согласно статьи 370 УПК УССР, пересмотрела уголовное дело на И.И. Либерберга. 31 марта 1956 года в Военную коллегия Верховного суда СССР было внесено заключение об отмене приговора от 9 марта 1937 года и прекращении уголовного дела в отношении Либерберга И.И. по вновь открывшимся обстоятельствам.

На этом основании 30 мая 1956 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла определение: «...приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 9 марта 1937 года в отношении Либерберга Иосифа Израилевича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем за отсутствием состава преступления производством прекратить».

Однако следует признать, что власти страны, несмотря на начавшуюся в стране работу по реабилитации, не смогли до конца избавиться от фальши и лжи.

Ирина Новицкая рассказала мне о том, что у них хранится свидетельство о смерти Либерберга, где написано, что он, отбывая наказание, умер 26 июля 1938 года. Только недавно от меня она узнала, что он был расстрелян в Москве и похоронен на Донском кладбище. Комментарии, как говорят, здесь излишни.

Драматически сложилась судьба его жены Надежды. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) все жёны изобличённых изменников родины, право-троцкистских шпионов подлежали заключению в лагеря не менее, чем на 5-8 лет. Во исполнение этого летом 1937 года последовала директива НКВД, по которой жён предписано было арестовывать вместе с мужьями, но к тому времени Либерберг уже был расстрелян и Надежду арестовали, учитывая, что её муж был одним из руководителей троцкистского центра. 27 декабря 1937 года она была арестована как член семьи изменника Родины. Особым совещанием при НКВД СССР её приговорили к восьми годам исправительно-трудовых лагерей, которые она отбывала в Акмолинском лагерном отделении. Освобождена была 6 октября 1945 года, отсидев весь срок.

Тяжкие испытания выпали на долю дочери Иосифа и Надежды - Тамары. Когда зятя Фриды расстреляли, а

дочь отправили в лагерь, бабушка заменила внучке родителей, помогла ей не только выстоять, но и закончить школу, чудом поступить в университет (детям репрессированных родителей путь к учебе был практически закрыт).

«Родоначальница нашей семьи, - вспоминает Ирина Новицкая, - исполнила свою роль достойно! Будучи оскорблена своей страной, она сохраняла достоинство и патриотизм: в преддверии войны Фрида не разрешила Тасе продать государственные облигации. «Девочка моя, нехорошо требовать от страны деньги в тот момент, когда стране тяжело», - сказала она тогда внучке просто. Вот такая она была гордая и несокрушимая!

В первые же дни войны Фрида буквально «вытолкала» внучку из Киева: «молодой еврейке не место там, где есть немцы», - изрекла бабушка. Быстро выдав ее замуж за сокурсника из Донецка, она отправила Тасю с мужем на восток. Боже, как она оказалась права: она спасла Тасю и тем самым сохранила весь наш род!

При этом сама Фрида не сдвинулась с места, считая, что должна сохранить для семьи семейное гнездо. «Мне, старой, тут ничего не грозит», - успокаивала она при отъезде внучку. Фрида не покинула Киев и погибла в Бабьем Яру в числе десятков тысяч других евреев. Она отправилась туда, сопровождаемая Тасиной собакой Венкой - шотландской овчаркой, которая отказалась оставить свою хозяйку.

Редкие письма, приходившие из лагеря, повествовали о тяжелой судьбе, выпавшей на долю Надежды и тысяч таких же, как она, невинных женщин, которым приходилось строить, обрабатывать землю и просто работать, чтобы выжить. Начальник Акмолинского лагеря, куда попала Надежда, не знал, что делать с этими удивительными, умными и красивыми женщинами, непонятно как оказавшимися втянутыми в страшные жернова сталинских репрессий, которые должны были сидеть в одном лагере вместе с убийцами и ворами. Он переживал и не понимал, за что их постигла такая участь, и, как мог, старался изолировать их от контактов с той стороной.

Надежде предоставили возможность заниматься с детьми других узниц как учительнице, в импровизированной школе. На её уроки ходил и начальник лагеря. После того, как в лагере умерла одна из осужденных, Надежда взяла её девочку - Майю Богданову - и стала относиться к ней, как к родной дочке. Она буквально «удочерила» и забрала ее с собой, когда смогла выйти на волю. После освобождения из лагеря Нюша не имела права ни работать, ни жить в большом городе – Киев был для неё закрыт. Через восемь лет мама, наконец, встретилась с дочкой. Тася получила работу преподавателя физики в Житомирском педагогическом институте и забрала маму к себе, которую она просто безумно любила и обожала!».

Этот рассказ Ирины о прошлой жизни своей семьи вызвал душевную боль и страдание не только её родных и близких, впервые узнавших, когда и где без вины был расстрелян их дед, Иосиф Либерберг. Ирина записала видеобращение, которое было показано биробиджанцам на вечере памяти И. Либерберга в областной библиотеке им. Шолом-Алейхема. Оно никого не оставило равнодушным, как и её письмо, написанное из глубины воспоминаний детства, навсегда запечатлевших в памяти трагические страницы жизни семьи, рассказанные её бабушкой. Такое невозможно забыть, и даже годы не залечат эти душевные раны.

История семьи Либерберг, изложенная в этом рассказе, - это первая попытка подробно рассказать о самой значимой, на мой взгляд, фигуре в истории Биробиджана. Трагедия этой семьи – одна из трагедий Биробиджана, у которой спустя 75 лет есть имя виновника – Сталин и НКВД - и есть потерпевшие – его внучка Ирина и её родные, до сих пор даже не знающие, где похоронен их дед, чтобы положить цветы на его могилу.

Во имя человечности нынешняя власть могла бы помочь родным найти эту безымянную могилу, чтобы перезахоронить его останки на Родине. Я бы предложил похоронить его в Биробиджане, ради которого он пожертвовал своей жизнью, и поставить в центре города ему памятник, чтобы наши потомки помнили имя человека, который привел тысячи людей на эту биробиджанскую землю. Не сомневаюсь, что к подножию этого обелиска люди будут носить живые цветы, отдавая дань его светлой памяти.

Все факты, приведенные в очерке из готовящейся к печати книги И.Бренера "Страна Биробиджан", основаны на подлинных материалах уголовного дела № 123 (архивный номер П-81837), впервые публикуются отрывки

из мемуаров Э. Розенталь-Шнайдерман, Ш. Лифшиц в переводе А.В. Зарембы, писем Ирины Новицкой, хранящихся в архиве автора.

Мы здесь №231 Толкователь грёз

Бер (Борис) Котлерман, Неве-Цуф, Самария

[...]

С грохотом вписавшись в поворот, скорый международный поезд «Париж-Москва-Пекин» немного замедлил ход и издал протяжный гудок, обгоняя столбы, полуразрушенную сторожку обходчика, телегу без колес на откосе и пыльную белую ленту проселка, неожиданно выскочившую из густого леса. Первые лучи солнца уже высветлили верхушки деревьев, но чуть пониже еще скрывалась мохнатая темнота. Поезд мчался на восток.

Пассажиры начали просыпаться, и самые предусмотрительные уже потянулись к тамбурной двери со свертками и полотенцами. Вскоре в обоих концах вагона образовались небольшие группки ожидающих своей очереди людей в майках, гимнастерках и домашних халатах. Люди благожелательно приветствовали друг друга, как и полагалось в купейном вагоне экспресса. Время от времени голоса заглушались грохотом колес – это со стуком открывалась тамбурная дверь, обдавая особым «железнодорожным» запахом гари и нагретого железа.

Ни перестук колес, ни постоянно открывающаяся железная дверь, ни гул голосов Иосифу нисколько не мешали. Он уже давно встал и, прижавшись лбом к оконному стеклу, мысленно продолжал свой диалог с жизнерадостным оптимистом Максом. Время от времени он задумчиво поглядывал на часы и тут же переводил взгляд на пробегающие за окном деревья. Все-таки он молодец, что уговорил Макса перебраться в Киев. И дело вовсе не в том, что Ойслендер практически развалил работу литературной секции, нет. Сегодня только слепой не видит очевидных вещей. Возможно, Макс с его энергией и работоспособностью и удастся вновь вывести секцию на должный уровень, может, даже и в партию он вступит в конце концов, но все это лишь предлог.

Президиум Института еврейской пролетарской культуры. Киев, октябрь 1934 года.
Сидят (справа налево): Ушер Маргулис (зав. исторической секцией), М. Кадишевич (зав. секцией изучения ЕАО), Калмен Мармор (литературоведение), Иосиф Либерберг (первый директор Института), Гершон Горохов (директор Института), Шимен Добин (филология).
Второй ряд (справа налево): Израиль Мительман (глава библиографического центра), Иона Хинчин (декан еврейского отделения Киевского педагогического института), Эли Спивак

**(зав. филологической секцией), Мойше Береговский (зав. фольклорной секцией),
Макс Эрик (зав. секцией литературы и критики), Яша Резник (зав. педагогической секцией),
Михл Левитан (редактор журнала «Висншафт ун революције»**

Никто не понимает его, Иосифа, лучше чем Макс Эрик. И все эти долгие вечера на Левашовской, где стараниями Иосифа выстроили для Макса и Иды небольшой отдельный флигель в институтском дворе, речь, в принципе, все время шла об одном и том же. Вот уже почти год, с сентября 31-го, Иосиф с замиранием сердца следит за ходом грандиозного по своему замыслу и размаху плана. С тех пор, как японцы вошли в Маньчжурию, Иосифа не покидало острое ощущение личной причастности к событиям на Востоке. Насколько можно было разобраться в хитросплетениях московской политики, все указывало на то, что Москва ни в коем случае не останется перед японцами в долгу. Оккупация Маньчжурии не могла не заставить партию вспомнить о своем гениальном проекте, в последнее время незаслуженно заброшенном. Иосиф помнит то радостное возбуждение, которое охватило его, когда уже 30 сентября, меньше чем через две недели после японского вторжения, в «Эмесе» появилось решение Президиума ВЦИК по поводу создания еврейской национальной единицы на территории Бире-Биджанского переселенческого района. Ликование царило и на открытом заседании парторганизации института, где Борух Губерман торжественно зачитал решение Президиума. Особый акцент он сделал на том параграфе, где речь шла о распоряжении забронировать из числа еврейских выпускников вузов, техникумов и совпартшкол определенное число работников для Бире-Биджанского района.

Вот, оказывается, чем должны были обернуться последние необъяснимые шаги партии, в которых многие несознательно видели попытку положить конец еврейской партийной и культурной работе. Отменив евсекции, партия, как и во многих других случаях, вновь проявила поразительную мудрость и прозорливость. Вся эта бурная деятельность, которая здесь уже давно потеряла смысл, несомненно выйдет на новый уровень в нашем социалистическом еврейском государстве на Дальнем Востоке. Вся административная и, тем более, вся культурная деятельность будет там вестись на родном языке советских евреев – для этого и понадобятся многочисленные специалисты. Там мы перестанем быть национальным меньшинством.

Так, не сдерживая радостной улыбки, прокомментировала решение правительства и партии Эстерка Шнайдерман, под ободряющими взглядами Боруха и Иосифа. Впрочем, другой параграф звучал уж совершенно немисливо и фантастично: Бире-Биджанский райисполком получит с 1 января 1932 года право на упрощенное принятие в советское гражданство иностранных переселенцев! К концу 1933 года Бире-Биджан уже должен стать автономной областью, а там уж и до республики недалеко, как и обещал в свое время Калинин.

До сих пор все чаще и чаще раздавались голоса о том, что план не удался, что переселенцы тут же сбегают, дети и старики мрут, жилья нет; Иосиф и сам не испытывал особого оптимизма по поводу этой «дальневосточной националистической авантюры», как выразился однажды на совещании в Москве член руководства КОМЗЕТА Ларин. Но сейчас все совершенно изменилось. Вот и за последние месяцы в Бире-Биджан прибыло столько новых переселенцев, сколько не осело за все предыдущие годы. А трудящиеся евреи из капиталистических стран! Вон, строят в невообразимой глуши образцовое хозяйство, о котором все газеты трубят – социалистическое местечко будущего, с коллективным сельским хозяйством, развитой индустрией и новым подходом к воспитанию детей. Куда там кибуцам с их непрекращающейся войной с арабами. А тут никакого антагонизма, разве что борьба со стихией – каждый год реки так разливаются, что целый год работы уходит насмарку.

«У нас в этом году особый отряд организовали для борьбы с белоказаками. Почти каждую ночь переплывают реку и наведываются в гости, - донесся до Иосифа громкий голос с сильным балтийским акцентом. – Я докладывал еще в прошлом месяце в Хабаровске, а теперь и в самой Москве меня выслушали. У них же в Екатерино-Никольском свои люди, вот и не боятся ничего. Активистов изобьют, скот порежут колхозный, переселенцев попугают и – назад, к японцам». Услышав «Екатерино-Никольское», Иосиф оторвался от бегущих за окном деревьев и посмотрел на высокого светловолосого мужчину в белой офицерской рубашке и галифе, но тут же снова прижался к стеклу, боясь пропустить с в о ю станцию. Вот уже одиннадцатые сутки он рисовал в воображении эту станцию и все-таки боялся ее не узнать, потому что скорый там не останавливался. Поэтому он внимательно вглядывался в каждую станционную вывеску, пытаясь разглядеть на ней необычные для этих мест четырехугольные буквы. В Киеве Бире-Биджан казался более реальным, чем здесь, сейчас, среди этих густых как стена деревьев.

[...]

В конце октября 34-го года, официально передав своему заместителю Гершону Горохову все институтские дела, Иосиф, теперь уже вместе с женой и дочкой, снова выехал в Бире-Биджан. На вокзале их провожали

почти все киевские друзья. Пожимая руку Макс Эрику, Иосиф вспомнил про все еще недочитанную до конца черную папку. «Да, кстати, где, ты говорил, был найден тот хазарский манускрипт?» – спросил он.

Улыбнувшись, Макс выдал немедленный ответ, будто бы был готов к вопросу: «Его раскопали среди присланных из Ленинграда бумаг Этнографического общества. Там столько всего, нам жизни не хватит разобрать! А что, любопытно, да?» - в глазах Макса прыгали веселые искорки. Иосиф хотел было поделиться своими соображениями, но Нюша уже призывно махала ему рукой из окна вагона.

В пути Иосиф прокручивал в голове события последних месяцев – и провозглашение еврейской автономной области, радостным эхом отдававшееся в советской и зарубежной прессе, и личное письмо Калинина о его назначении председателем оргкомитета ЕАО, и речь самого главы ВЦИК на встрече с еврейскими рабочими и интеллигенцией, восхитившая даже сионистов. «Советские евреи, - сказал он, - число которых достигает 3 миллиона, являются единственным советским народом, не имеющим своей собственной территории. Сам факт провозглашения автономии дает им признаки настоящей нации. Я уверен, что через каких-то 10 лет Бире-Биджан превратится в самый важный, если не в единственный, центр еврейской национальной советской культуры. Превращение области в республику – это лишь вопрос времени. Правительство видит в Бире-Биджане национальное еврейское государство, которое представляет собой базис еврейской нации».

Калинин говорил на удивление просто и однозначно, без ставшей уже традиционной многозначительной партийной риторики. Откуда у него такая симпатия к евреям? Иосифу невольно пришел на ум неприятный разговор после заседания Президиума ВЦИК, где было принято решение о «трансформации Бире-Биджанского района». Уже выходя из зала заседаний, он столкнулся в дверях с коренастым человеком в модном полувоенном френче а-ля Сталин – Матвеем Хавкиным, назначенным председателем оргкомитета обкома ВКП(б). Кивнув будущему коллеге, Иосиф бросил ему полушутливо по-еврейски: «Вот и еще один праздник в Израиле, прямо между исходом из Египта и дарованием Торы!». Хавкин посмотрел на него с явной неприязнью и проговорил по-русски с местечковым акцентом: «Мы не собираемся строить республику для евреев, товарищ Либерберг, мы будем строить республику, в которой евреи будут жить и работать плечом к плечу с братскими народами СССР». Впрочем, хавкинская тирада не испортила Иосифу настроения ни тогда, ни теперь.

Иосиф заметил, что поезд уже долгое время не движется. За окном было все бело. Проводник сообщил, что завалило рельсы и придется ждать несколько часов, пока их расчистят. Спрыгнув с подножки вагона, Иосиф оказался перед бесконечной сибирской степью, сплошь засыпанной снегом. Это нескончаемое однообразие наводило леденящую тоску, от которой опускались руки. Иосиф помотал головой и представил себе расцвеченную разноцветными флажками веселую площадь перед люксембургской ратушей. На спинах позеленевших от времени чугунных львов весело гарцуют беззаботные дети, а в затененных зонтиками кафе размякшие туристы cedят тягучий эль. За одним из столиков он, Иосиф, как это было пять лет назад, во время его европейского турне. Крутя в руках деревянную перечницу, он пламенно убеждает Шацкого в перспективности своих планов по созданию в Киеве самого большого в мире института по исследованию еврейской культуры. Увесистая перечница вырывается из его пальцев и со стуком врезается в бетонную цветочную тумбу. Все поворачивают головы в их сторону...

Откуда-то издали послышался звук хлыста, вернувший Иосифа в степь. Перед вагонами затанцевало несколько невысоких сибирских лошадок с сидящими на них закутанными по самые глаза всадниками. Глядя прямо на Иосифа, всадники погарцевали несколько минут на одном месте и с громким гиканьем, похожим на смех, умчались в белую даль.

Биребиджан встретил Иосифа холодным пронизывающим ветром. Снега, правда, еще не было, но уже явственно ощущалось дыхание зимы. На вокзале собралась небольшая толпа, в которой Иосиф сразу заметил долговязую фигуру Генаха Казакевича, своего старинного друга. Попеременно поправляя то шляпу, то очки, Казакевич двигался через толпу как ледокол, пока Иосиф радостно не обхватил его за плечи. Со всех сторон неслись приветствия, на которые Иосиф отвечал благодарной улыбкой. Кто-то сунул ему в руку телеграмму, где было лишь несколько слов: «поздравляю приездом тчк готовимся первому съезду советов тчк хавкин зпт сталинфельд».

Отправив Нюшу с Тамарочкой на машине, Иосиф решил немного пройтись, позвав Генаха с собой. С тех пор, как он был здесь два с лишним года назад, почти ничего не изменилось. Все тот же пустырь перед путями, те же две улицы, правда, ставшие заметно длиннее. Через огромные лужи были перекинута оторванные от забора доски. Тут и там валялись в грязи обрывки плакатов и лопнувшие воздушные шары – всего два дня назад городок приветствовал очередную октябрьскую годовщину. Генах возбужденно махал руками, показывая то на одно строящееся здание, то на другое: «Вот здесь у нас будет кинотеатр, где все

фильмы будут идти с титрами на идише! А там вон дальше, видишь, отдел наркомата внутренних дел...».

Они вышли к реке. Бира, раздваиваясь, обегала в этом месте живописный зеленый островок, к которому вел узкий деревянный мостик. «Поселковый совет принял решение разбить на острове городской парк с летней сценой и аттракционами. Уже завезли скамейки и качели – романтичной места и не придумаешь».

Мечтательно обводя взглядом остров, реку и возвышающуюся за ней лесистую сопку, Генах улыбнулся: «Это сколько же лет прошло с тех пор, как мы с тобой в Бердичеве лепили газеты как пирожки? Пятнадцать как минимум, а, Яня?» Иосиф, щурясь от ветра, тоже смотрел на сопку. Проследив его взгляд, Генах добавил: «Вон туда, на самый верх, забрался Галкин и сказал, что не слезет с этой сопки, пока внизу не задымят трубы огромного еврейского города». Иосиф живо повернулся к нему: «Сказал – и уехал. А мы останемся и город построим. Мы оживим эту страну, и она заговорит на нашем языке, Генах. А на верхушке сопки мы установим красивейшее многоэтажное здание – Дом Советов или, может, Биребиджанский институт еврейской пролетарской культуры, настоящий храм еврейской советской науки. А на крыше будет развеваться огромный красный флаг!». Казакевич взволнованно похлопал его по плечу.

Биребиджан лихорадочно готовился к первому областному съезду советов, до открытия которого оставалось чуть больше месяца. Иосиф с ходу включился в работу. Он формировал комиссии, участвовал в бесконечных заседаниях, писал передовые статьи в местные и краевые газеты, составлял тексты официальных приглашений. Домой, в большую плохо отапливаемую квартиру в двухэтажном доме на улице Калинина, возвращался уже за полночь. С Хавкиным он почти не виделся – тот все время пропадал в Хабаровске, утрясая какие-то проблемы с начальством. Держался Хавкин все так же отчужденно и напыщенно, упорно отказываясь говорить по-еврейски.

Подобным образом вела себя и его многочисленная свита, которую он привез из Смоленска. Иосиф старался не обращать на них внимания – лишь бы не мешали общему делу.

17 декабря в Биребиджан прибыл целый поезд важных гостей из центра. Один за другим гости проходили по расчищенной от снега платформе в тесный вокзальчик, где их встречали цветами пионеры и ответственные лица. Среди представителей пролетариата, профессиональных партийцев во френчах и военных в длинных шинелях выделялась группа франтовато одетых писателей и журналистов, возглавляемых самым бывшим главой Центрального бюро евсекций при ЦК, а ныне председателем ОЗЕТА Шименом Диманштейном.

Придерживаясь принятой субординации, Диманштейн сначала протянул руку Хавкину, который с праздничным лицом уже шел ему навстречу: «Добро пожаловать, Семен Маркович!». Затем наступила очередь Иосифа; а потом Диманштейн пошел вдоль длинной шеренги партийных и советских работников. К Иосифу подошли сияющие улыбками Гофштейн, Добрушин, Маркиш, Харик и Годинер, и он сердечно с ними обнялся.

Весь день Иосиф провел с гостями. Уже под утро, разместив наконец всех по квартирам, он решил заскочить в свой кабинет. Внезапно над головой послышался рев моторов. В небе носилось несколько аэропланов, с которых падали прямо на землю какие-то тюки. Развернув оберточную бумагу, Иосиф обнаружил хабаровскую газету «Тихоокеанская звезда», на первой странице которой красными буквами было написано: «Специальный выпуск». Теперь понятно, о каком сюрпризе сегодня несколько раз так многозначительно намекал Хавкин. Иосиф от души рассмеялся.

Съезд советов прошел слаженно, будто руководимый невидимым дирижером. Выступления сменялись дебатами, принимались резолюции, выбирались ответственные за бесчисленные комиссии. Открылся съезд импровизированным митингом у здания еврейского театра. В утренней синеве возбужденные биребиджанцы толпились на покрытом снежком тротуаре у входа в недостроенный деревянный театр, где должно было начаться первое заседание. В радостном гуле то тут, то там слышались традиционные славословия в адрес Сталина, партии, Калинина и секретаря крайкома партии товарища Лаврентьева. Товарищ Лаврентьев, одутловатый усатый грузин, по слухам, друг детства самого Сталина, стоял на балконе между двумя огромными портретами вождей и медленно помахивал ладошкой толпе.

К Лаврентьеву присоединился Иосиф. Улыбаясь широкой открытой улыбкой, он приветственно поднял руку. «Товарищи! – прокричал он. – Делегаты первого в истории съезда советов рабочих, крестьян и красноармейцев Еврейской автономной области рады приветствовать истинных хозяев биребиджанской земли – трудящихся еврейской и других национальностей, строящих единственное в мире еврейское

социалистическое государство!»

Люди внизу одобрительно зашумели. «Превратим Гнилопятовку на берегах Биры в цветущую столицу области!» – продолжал выкрикивать Иосиф. – «Да здравствует ленинско-сталинская национальная политика!». Засунув кто в карманы, кто подмышку теплые рукавицы, люди начали восторженно хлопать, и звонкие звуки их хлопков стеклянно звенели в морозном воздухе. Иосифу на миг показалось, что среди стоящих внизу мужчин и женщин он узнает давно забытые лица своих староконстантиновских соседей. Вот так же, еще до войны, доверчиво они хлопали заезжей труппе, привезшей в местечко знаменитого гольдфаденского «Бар-Кохбу», и среди них он, мальчишка, захваченный образом древнего героя и ещё не ведающий выпавшего ему великого предназначения.

Взглянув на покрытую снегом сопку, высившуюся над городком, он почувствовал исключительную важность момента. Ему захотелось сказать стоящим внизу и смотрящим на него что-то очень значительное и вместе с тем дружеское. «Если вы захотите, товарищи, то сказка станет былью! Наша автономная область...» – Иосиф закашлялся под раздавшиеся нестройные выкрики «Ура!».

[...]

Поезд медленно подъезжал к Павелецкому вокзалу. Иосиф с легким фибровым чемоданом в руках стоял у выхода в ряду таких же, как и он, нетерпеливых пассажиров купейного вагона скорого поезда № 41 Владивосток-Москва. Судя по внешнему виду, большинство из них были совслужащими, по разным делам спешащими в столицу. Наглухо застегнутые под горло френчи, неприступное выражение лица и кожаные портфели в руках сигнализировали о важных государственных делах их обладателей. Иосиф отвернулся к окну, с досадой подумав о том, что вот и он, верно, выглядит теперь так же, после почти двух лет руководящей работы. За окном замедляли свой бег какие-то ангары, будки, ржавые вагоны в тупиках.

Наконец появился край высокой бетонной платформы и через мгновение раздался визг тормозов. Проводник в белой толстовке бросился к тяжелому рычагу, который открывал дверь и одновременно поднимал тамбурную площадку. Свежий воздух раннего субботнего утра, перемешанный с железнодорожной гарью, ворвался в вагон и взъерошил волосы стоявших у выхода пассажиров.

Неожиданно громко, заглушая доносящееся из здания вокзала объявление о прибытии поезда, заиграло радио – это были строки новой песни "Широка страна моя родная". Бодрый женский голос, бодрые музыкальные такты, солнце и свежий воздух поднимали настроение. Столица радостно встречала жителей далеких и близких городов и весей необъятной страны, и, казалось, каждый чувствовал, что это встречают его лично.

Сегодня у Иосифа была намечена в 16:00 встреча в Кремле со всесоюзным старостой Михаилом Ивановичем Калининым. Встреча эта будет особенной, не похожей на несколько других встреч с этим замечательным сердечным человеком, которых Иосиф удостоился за последние несколько лет. Иосиф никогда не забудет, как в начале 34-го, когда он был по институтским делам в Москве, в его гостиничном номере в "Метрополе" зазвонил телефон и на другом конце провода раздался четкий уверенный голос: «Товарищ Либерберг?». Не дожидаясь ответа, голос продолжил: «Вам звонят из секретариата председателя Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР Михаила Ивановича Калинина. Товарищ Калинин ждет вас у себя завтра в 9 утра. За вами придет машина».

В застегнутом на все пуговицы пальто и в неизменной черной кожаной фуражке Иосиф в назначенное время стоял у входа в гостиницу. На улице падал легкий снежок; мимо него деловито спешили многочисленные прохожие, среди которых заметно выделялись вертящие во все стороны головами гости столицы. По левую руку высился портик Большого театра, и три запряженных коня мощно рвались куда-то вперед, в будущее. Мягко прошуршав шинами, перед ним остановилась «эмка» с затемненными стеклами. Из открывшейся задней двери Иосифу махнула рука в перчатке. Усевшись на сиденье, Иосиф увидел слева и спереди двух милиционеров, которые ничего не ответили на его приветствие. В зеркальце заднего вида на него внимательно посмотрели глаза водителя. Ни слова не говоря, водитель рванул с места. Покружив по утренним московским улицам, «эмка» въехала в Кремль через Боровицкие ворота.

В секретариате Калинина шумно стучала печатная машинка, хлопали двери, деловито входили и выходили какие-то люди. Иосиф осматривался по сторонам, когда распахнулась массивная дверь и прямо перед собой он увидел и сразу же узнал невысокого седоватого человека, затянутого во френч полувоенного образца, в пенсне и с небольшой бородкой. Поправив пенсне, Калинин оглядел Иосифа и тихим голосом спросил: «Вы по какому делу, товарищ?»

Вытянувшись, Иосиф отрапортовал: «Красный профессор Иосиф Израилевич Либерберг, директор Киевского института еврейской пролетарской культуры при Всеукраинской Академии наук. Вы меня вызывали, Михаил Иванович».

С удивленным видом Калинин снял пенсне, тщательно протер и опять водрузил его на нос. Еще раз оглядев с головы до ног высокую, ладную фигуру Иосифа, он взял его под локоть и, повернувшись вместе с ним к сотрудникам, которые в это время находились в помещении, сказал: «Посмотрите, товарищи, какой прекрасный образец нового типа еврея, советского еврея! Вот так будет выглядеть президент еврейской советской республики!»

Сегодня же, 29 августа 1936 года Всесоюзный ЦИК должен был обсуждать на специальном заседании вопрос о дальнейшем развитии Бире-Биджана. Собственно, все уже давно было согласовано на всех уровнях. В специальной речи Калинин заявит о том, что Бире-Биджан оправдал возложенные на него надежды, и что в скором времени автономная область станет автономной республикой. А после заседания и пресс-конференции, с глазу на глаз с Иосифом он обсудит конкретные шаги по осуществлению этого плана. Иосифа почему-то не пригласили на заседание ВЦИКа, но ничего – зато у него будет достаточно времени погулять по столице, сходить на замечательную Выставку народного хозяйства, да мало ли что!

[...]

Иосиф спрыгнул на платформу и легким уверенным шагом направился к зданию вокзала. Кого-то встречали жены в легких летних платьях и празднично наряженные детишки в коротких штанишках. Из-под ног с шумом взлетали голуби. Несколько красноармейцев, разинув рты, пялились во все стороны – видно, что первый раз в Москве. Навстречу Иосифу спешили какие-то люди, пара коротко стриженных парней в темных брюках и серых рубашках с закатанными по локоть рукавами стояли у фонарного столба на выходе с платформы и внимательно вглядывались в толпу.

Иосиф смотрел вверх голов, планируя день и заранее предвкушая разговор с Калининным. В его портфеле лежал готовый план по решительным шагам, направленным на ускорение переселения евреев в Бире-Биджан. Прежде всего, необходимо...

"Извиняйте, гражданин" – тяжелая рука опустилась Иосифу на плечо, заставив его резко остановиться. Нахмурившись, он обернулся к владельцу руки и с удивлением обнаружил, что это был один из тех парней у фонарного столба. Почти не глядя на Иосифа, тот вытащил из кармана узкий блокнот, помолчал секунду и четко произнес: "Гражданин Либерберг Иосиф Израилевич, год рождения 1898".

В его реплике не прозвучало никакой вопросительной интонации, и Иосиф только молча посмотрел на него, пораженный не столько тем, что неизвестный знаком с его биографией, сколько бездушным словечком "гражданин".

"Пройдете, гражданин, нас ждет авто", - и парень уверенно повлек за собой Иосифа.

"Товарищ, вас прислали из ВЦИКа?" – спросил Иосиф насколько можно уверенным голосом, но в животе у него вдруг поднялась какая-то гадкая волна, только ожидавшая оказии, чтобы выплеснуться наружу. Ответа на вопрос не последовало, и волна задержалась где-то на подступах к горлу. Иосиф попытался свободной рукой расстегнуть верхнюю пуговицу френча и обнаружил, что рука занята чемоданом. Мозг его вдруг заработал с лихорадочной силой, пытаясь проанализировать ситуацию. Это явно какая-то ошибка, чудовищная ошибка! У него ведь важная государственная встреча в 16:00. Надо дать знать в секретариат ВЦИК. Нет, лучше позвонить товарищу Лаврентьеву в Хабаровск, а тот сразу обратится к своему другу юности товарищу Сталину. Ах, там ведь сейчас уже конец рабочего дня, товарищ Лаврентьев на каком-нибудь объекте. Надо срочно отыскать товарища Диманштейна...

За углом здания вокзала стояла черная машина с закрашенными задними стеклами. Иосифа усадили на заднее сиденье, зажав с двух сторон. Он не хотел самому себе признаваться, что это "усаживание" было почти насильным, изо всех сил пытаясь сохранять независимый вид. Чемодан было некуда девать, и он положил его себе на колени, ощущая нелепость всей ситуации.

"Товарищи, мне нужно позвонить... У меня государственная встреча с товарищем Калининным...".

Ответа опять не последовало. Тут Иосиф обнаружил, что за рулем сидит милиционер. Поскольку стекла были сзади по какой-то причине закрашены, Иосиф видел дорогу только через лобовое стекло и все не мог сориентироваться, куда же его везут. Чувство времени, всегда такое острое у вечно спешащего Иосифа,

куда-то исчезло, и он не смог бы сказать наверняка, сколько же они вот так ехали, десять минут или час, пока автомашина не вырулила на широкую площадь и остановилась перед каменным фасадом внушительного здания. Дверцы мгновенно раскрылись с обеих сторон и Иосифа ловко вытащили на свет подбежавшие милиционеры в форме. Парни в рубашках куда-то исчезли. Милиционеры повели Иосифа по высоким ступеням ко входу в здание. Иосиф на миг оглянулся на оставшуюся за его спиной площадь и через мгновение уже оказался внутри здания, где на проходной сидел еще один милиционер, угрюмо оглядевший его с головы до ног. Внезапно где-то протрещал телефонный звонок, и стальной голос четко произнес: "Лубянка".

Иосиф двигался как в тумане по длинным узким коридорам. Кто-то вытащил из его руки ручку чемодана, другой снял с него кожаный солдатский ремень. Иосиф не сопротивлялся. Промелькнули лестничные пролеты с натянутой от стены до стены стальной сеткой. Окон не было. Потянуло сыростью. Прямо перед лицом Иосифа кто-то отпер решетку, в лицо ударил ярко-желтый свет голой 25-ваттной лампочки, свисавшей с плохо оштукатуренного потолка. Опять коридор, но на этот раз подвальный. Звуки шагов гулко разносятся и гаснут в сырых углах. Лязгнула железная дверь с небольшим зарешеченным окошком и на Иосифа пахло прелостью, смешанной с мочой. Он автоматически шагнул вперед, в темное помещение непонятных размеров и услышал, как дверь за его спиной с грохотом закрылась.

Понемногу глаза Иосифа начали привыкать к окружающему мраку, несколько разреженному тусклой желтой полосой света, падающей из окошка в двери. Иосиф огляделся по сторонам, пытаясь определить размеры помещения. Оно представляло собой вытянутый в стороны прямоугольный пенал примерно на 30 квадратных метрах. Деревянные нары в два этажа вдоль стен занимали практически все пространство, оставляя лишь узкий проход посередине и площадку прямо перед входом, на которой и стоял Иосиф. На нарах ощущалось какое-то шевеление, тут и там блестели в темноте чьи-то глаза. Иосиф сделал неуверенный шаг влево от двери и наткнулся на какое-то невидимое препятствие, заявившее о себе металлическим звуком. "Не лезь в парашу", - раздался усталый голос, и Иосиф замер на месте, вдруг совершенно четко и окончательно поняв, где он находится. Он подался всем телом в другую сторону, кто-то потянул его за край френча и он всем весом брякнулся на край покрытой тонким матрасом доски.

"Отдохни малость, - проговорил кто-то совсем рядом. – Долго тебя здесь не продержат, поспи, если можешь. А то как начнутся допросы – переведут в одиночку, там с шести утра свет врубят и спать уже не дадут".

Иосиф повернулся к своему собеседнику, пытаясь разглядеть его лицо. Судя по говору - из простых, из рабочих. Неужели – враг? "А вы давно тут, товарищ?" – спросил он зачем-то и тут же удивился своему собственному голосу, который был будто и не его совсем. "Да нет, с неделю, может чуть больше". "Неделю? – ужаснулся Иосиф. – И все никак не разберутся?". "А чего тут разбираться, - ответили спокойно с соседних нар. – Если уж сюда попал, назад дороги нет".

Иосиф хотел было что-то возразить, но тут же передумал. Ему пришел на ум не такой уж давний разговор с представителем краевого НКВД, зашедшего к нему в облисполком "побалакать" о его киевских друзьях. Иосифу к тому времени уже было известно об аресте Горохова и Макса, но он все надеялся, что это недоразумение, и совсем скоро все утрясется. Так он тогда и сказал своему "гостю". Видимо, его теперешний арест как-то связан с этим делом. Говорил же он Макс, чтоб приезжал к нему в Бире-Биджан!

Иосиф невольно улыбнулся, вспомнив их последнюю встречу на перроне в Киеве. Прощаясь, Макс с выражением предельной серьезности на лице сунул ему в руки какую-то черную папку, и Иосиф увидел стопку листков с перепечатанным на машинке древнееврейским текстом, перемежающимся многоточиями в скобках. «Оригинальная инкунабула хранится в нашем архиве. Пробелы - это хазарское руническое письмо, которое, к сожалению, мы еще не прочитали. А вот древнееврейский ты сможешь разобрать и сам», - объяснил Макс в ответ на недоуменный взгляд Иосифа. «Посмотришь в поезде, времени у тебя будет предостаточно».

Однозначно, подумал тогда Иосиф, это очередной розыгрыш Макса и компании. В Киеве, когда «вирус ББ» - «биребиджанская лихорадка» - завладел всеми мыслями Иосифа и любой разговор неизменно, как по рельсам, приводил к одной и той же излюбленной теме, Нюша затеяла с ним смешную игру. Любое сообщение о Бире-Биджане она комментировала как очередную сцену из снимающегося кинофильма. В конце концов к Нюшиной игре присоединилась и все их друзья – и задорная Эстерка Шнайдерман, и ее болезненный муж Шауль, и даже идейный Борух. Иосиф и не думал обижаться на эти подначки, и даже сам иногда придумывал новые детали для своей «фильмы» - например, как американские переселенки в Икоре одевают после работы в поле вечерние туалеты и кокетливые шляпки и собираются в сельском клубе,

чтобы под звуки старого патефона обсудить нью-йоркские сплетни годичной давности.

В последующие дни Иосиф несколько раз возвращался к папке, радуясь, что его знание древнееврейского никуда не ушло за годы учебы в университете Святого Владимира, войны, преподавания и изматывающей административной работы. По детской привычке он сразу заглянул в последний листок максовой «инкунабулы», гадая о её происхождении. Текст обрывался совершенно неожиданно и тревожно: «Нет никакой возможности выразить всю горечь, охватившую нас вдали от родины, которую, возможно, мы никогда и не увидим, и близких наших, невинно убиенных в освящение Его имени и бежавших на чужбину лишенных всего. Но благословен судия, милосердный и милостивый, которому одному ведома правда и который судит нас по делам нашим».

Неожиданно лязгнула дверь, камера осветилась и появившаяся в проеме фигура произнесла: "Заклоченный Л. – на выход!" Никто не откликнулся на это странное приглашение, и фигура нетерпеливо и зло переспросила "Кто тут Л.?" Иосиф вдруг понял, что это зовут его, и поспешно поднялся, одергивая френч.